

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ГОЛОС МОНСТРА»

Патрик Несс

ВОЙНА ХАОСА

Обладатель
двух медалей
Карнеги

новая редакция

Поступь хаоса

Патрик Несс

Война хаоса

«РИПОЛ Классик»

2010

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)6-44

Несс П.

Война хаоса / П. Несс — «РИПОЛ Классик»,
2010 — (Поступь хаоса)

В заключительной книге трилогии Тодд с Виолой оказываются между трех огней, не имея никаких шансов на спасение. Три армии надвигаются на Нью-Прентисстаун, каждая намерена уничтожить две другие. Как остановить кровопролитие? Как не потерять надежду на мир, когда у врага такое численное преимущество? Если война действительно превращает людей в чудовищ, на какие страшные решения она толкнет главных героев? И тогда к истории подключается третий голос — голос, искаженный жаждой мести...

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)6-44

© Несс П., 2010
© РИПОЛ Классик, 2010

Содержание

Началось	9
Две битвы	9
И Третий	43
Еще один шанс	47
Затишье	47
Что было до	59
Буря	62
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Патрик Несс

Война хаоса

© Patrick Ness, 2010. All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2012

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

Киллиан дивная шейка БОЛЬНО ДЫШАТЬ ВО ВЛАСТИ ГОСПОДА **КОНЕЦ**
КОГДА МЫ ОТСЮДА ВЫБЕРЕМСЯ? **БЕН**
ТОДА? МИКРОБЫ, ОДИН МИКРОБ, МИКРОБ ЯБЛОКИ МОЯ
ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО, НЕСПРАВ
НА ГЕНЕРАТОРЕ МИГАЕТ ЛАМПОЧКА 1 2 3 4 А Я ЕМУ
ВИДЕЛ БЫ ТЫ ЭТУ ИАРОЧКУЯ ЗНАЛ ОДНОГО ПАРНЯ
СПЭКСКИЙ МИКРОБ ПОМОГИ, ТОМАС, ГОСПОДИ, ОСТАЛСЯ
МЕСЯЦ ТЫ, МАЛЬЧИК, ТЫ, **ТИХО,**
ЯБЛОКИ ЯБЛОКИ ТОЧКА В КАРТЕ, ТОЧКА В КАРТЕ 3
БОЛЕЗНЬ
О МОЯ КАРЕН **ВЫ КВИТЫ, А? О МОЯ ДЖУ**
О МОЯ ЛИЛИ **О МОЯ ЖЕМЧУЖИНКА** ЧЕРТОФЫ
ТОРР? АХ ЭТА ТОНКАЯ, СЛАДКАЯ И НЕЖНАЯ ПОРЕЗЫ ЧЕРТОФЫ
ПОРЕЗЫ И СИНЯКИ ТРЯПКИ ТУТ ХВАТИТ РАВНО НА МОЮ СЕМЬЮ,
ДВАЖДЫ ДВА ЗЕТЫРЕ ДВАЖДЫ ЗЕТЫРЕ ДВА
ДВАЖДЫ ДЕСЯТЬ ШЕСТНАДЦАТЬ
МАЛЬЧИКИ ДУМАЮТ, ЧТО СТАНУТ
ЯБЛОКИ СМАЗЬ СТОЛ НАСЛОМ, НО СМОТРИ ЧТОБ ОНО НЕ ПОПАЛО
ВСЕ БЫ ОТДАЛ ЗА КУСОК МЯСА А ВДРУГ ОН СПРОСИТ
О МОЯ ЭТЕР О МОЯ ЭТЕР МОЯ КРАСАВИЦА ГОСПОДИ, ТОЛЬКО НЕ ДАЙ МОЕМУ
ПРЕНТИСС БУДЕТ ПЕРВЫМ **ОДИН МЕСЯЦ** СВЯЖИ
БОЛЕЗНЬ, **ЧТО МЫ НАТВОРИЛИ, О** ДЕСЯТЬ
СПЭКСКИЙ **МИКРОБ** ДВАЖДЫ
Я УБЬЮ ЕГО, КЛЯНУСЬ, УБЬЮ Я - ТОЧКА, ТОЧКА - ЭТО Я
КИЛЛИАН О БОЖЕ ЕЩЕ РЮМКУ И Я
СТО ДЕВЯТНАДЦАТЬ ДНЕЙ БЕЗ ДОЖДА ДЕСЯТЬ
Я ЗАБЫЛ ЕЕ ЛИШЬ **ВЗГЛЯНИ НА ЭТИ КРОШЕЧНЫЕ РУЧКИ** ВЫ ЛЖЕЦ, СЭР,
ИСТИННО Ф РЯД, Ф РЯД, Ф РЯД **ВОКРУГ ОДНИ ЗВЕРИ** **КОНЕЦ**
ТРЯПКИ ВСЕГО ЛИШЬ МИКРОБ,
ПОМНИ ЭТО У МЕНЯ В РУКАХ **ГОСПОДИ, НЕ ДАЙ МОЕМУ**
ДЕРЕВЯШКА О МОЯ КЕЛЛИ **ПОПАСТЬ В ИХ**
О МОЯ НОРМА ДЕНЬ **СЛИЗКО**
ПОЛТАННОЕ СВЯТО О МОЯ ДЖЕИД КАК МЫ ОТСЮДА
СВЯТОЕ ТАИНСТВО НАЙДЕНО УТРАЧЕНО И ПРОСА НЕ ХВАТИТ ДАЖЕ ДО ЗИМЫ
О МОЯ КАРЛА ЗАТКНИТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА, О
ДВАЖДЫ ШЕСТНАДЦАТЬ ТРИДЦАТЬ ДВА ДВАЖДЫ ТРИДЦАТЬ ДВА
МЕРЗОСТЬ Я ЖЕ ГОВОРЮ, БОЛЕУТОМАЮЩИХ НЕ ОСТАНОУ ШОЯ,
ЕЩЕ ОДИН МЕСЯЦ, ОДИН МЕСЯЦ **И КЛУДНИКИ**
КОНЕЦ Я И ВСЕ СУЩЕЕ ВО ВЛАСТИ ГОСПОДА ГВОЗДЬ, РАЗ ДВА ТРИ,
1, 2 3 4 ОДИН, ЧАРЛИ ВДРЕБЕЗИ ВДРЕБЕЗИ

Посвящая Дениз Джонстон-Берт

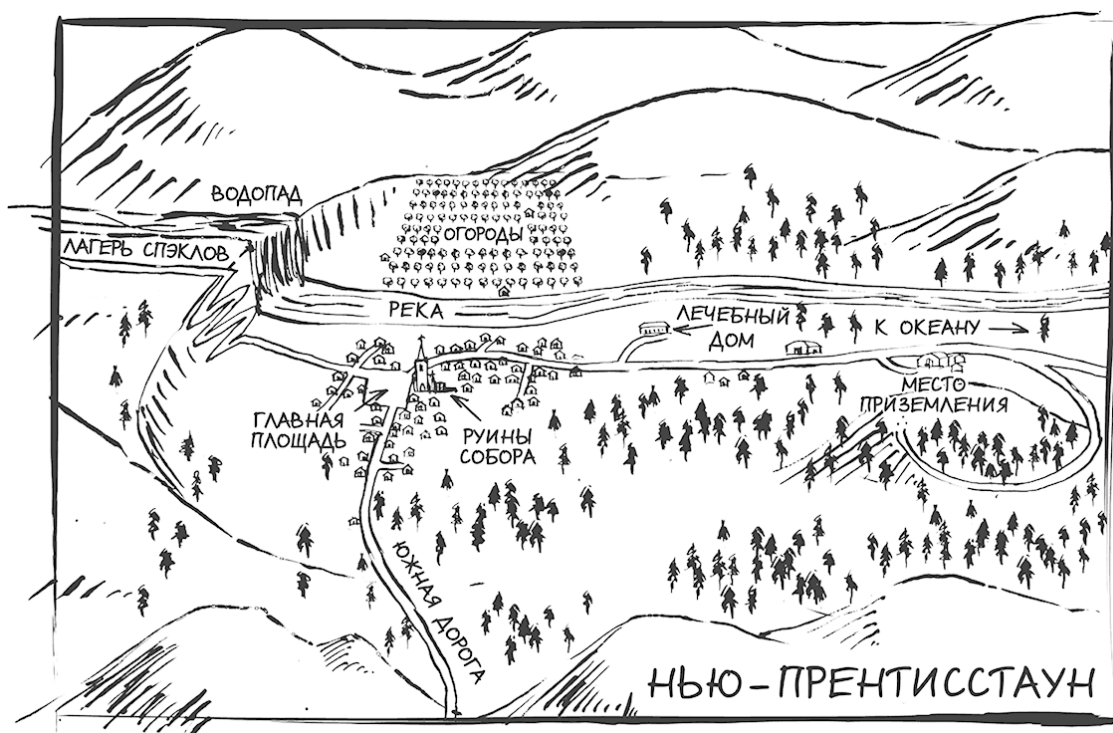
Кто в бункере?
Кто в бункере?

Сначала женщины и дети.
Сначала женщины и дети.
И дети.

Я хохочу до упаду.

Я глотаю, пока не лопну.

Radiohead, «Idiotheque».

– Война, – говорит мэр Прентисс, сверкая глазами. – Наконец-то!
– Заткнись, – осаживаю его я. – Нашел чему радоваться. Только ты один и рад.
– Тем не менее, – с улыбкой произносит он, – она началась.

А я, конечно, уже гадаю, не допустил ли самую страшную ошибку в своей жизни, развязав ему руки и позволив командовать армией...

Но нет.

Нет, только так мы сможем ее спасти. Я пошел на это ради нее.

Мэр сдержит обещание, даже если мне придется его убить.

И вот, когда солнце опускается за горизонт, а мы с мэром стоим на руинах собора и смотрим через городскую площадь туда, где по склону холма зигзагом спускается армия спэклов, возвещая о своем прибытии сокрушительным трубным ревом...

Когда за нашими спинами в город вторгается армия «Ответа» под командованием госпожи Койл, прокладывая себе путь бесконечными *Бум! Бум! БУМ!..*

Когда с юга на площадь уже входят отряды армии мэра... и первым за новыми приказами скачет мистер Хаммар...

Когда жители Нью-Прентисстауна, спасаясь от верной смерти, бегут что есть мочи в разные стороны...

Когда корабль-разведчик приземляется на холме неподалеку от госпожи Койл – хуже места просто нельзя и придумать...

И когда Виола...

Моя Виола...

...с переломанными ногами мчится сквозь сумерки верхом на коне...

Да, думаю я.

Началось.

Конец близок.

Конец всему.

– О да, Тодд, – говорит мэр, радостно потирая руки, – ты совершенно прав.

И снова повторяет страшное слово, как будто наконец сбылась его самая заветная мечта.

– *Война!*

Началось

Две битвы

[Тодд]

– *Мы должны немедленно ударить по спэклам!* – кричит мэр своим людям, направляя Шум прямо им в головы.

И в мою тоже.

– *Они собираются у начала дороги,* – говорит он, – *но дальше им не пройти!*

Я кладу руку на спину Анггаррад. Они с Морпетом прискакали с заднего двора почти сразу, как я развязал мэра. Перешагнув через стражников, которые помогли мне схватить мэра – они до сих пор неподвижно лежат на земле, – мы быстро забрались в седла, и к этому мгновению на главной площади уже начала беспорядочно выстраиваться армия.

Впрочем, не вся: длинная вереница солдат все еще тянется по дороге с южного холма – дороге, на которой должна была развернуться битва.

Жеребенок? – думает Анггаррад, и я чувствую, как все ее тело пронзают иголки страха. Она напугана до полусмерти.

Я тоже.

– **БАТАЛЬОНЫ, СТРОЙСЯ!** – командует мэр.

В ту же секунду мистер Хаммар, мистер О'Хара и мистер Тейт отдают честь, а солдаты начинают строиться и снуют в толпе так быстро, что смотреть больно.

– Знаю, – говорит мэр. – От красоты глаза слепит, правда?

Я навожу на него винтовку – винтовку, которую отобрал у Дейви.

– Помни о нашем соглашении. Ты позаботишься о Виоле и не будешь пытаться меня контролировать. Только в этом случае я сохраню тебе жизнь. И только для этого я дал тебе свободу.

Глаза мэра вспыхивают.

– Выходит, тебе нельзя выпускать меня из виду! Придется и в бой вместе со мной пойти, Тодд Хьюитт. Ты готов?

– Готов, – отвечаю я, хоть и не готов ни разу, просто стараюсь об этом не думать.

– У меня предчувствие, что ты не подведешь.

– Заткнись. Один раз я тебя побил – побью еще раз.

Мэр ухмыляется:

– Ничуть в этом не сомневаюсь.

– **К БОЮ ГОТОВЫ, СЭР!** – кричит со своего коня мистер Хаммар, отдавая честь.

Но мэр не сводит с меня дразнящего взгляда:

– Они готовы, Тодд. А ты?

– Да начинай уже!

Тут улыбка мэра становится еще шире. Он поворачивается к своей армии.

– *Сначала в атаку пойдут две дивизии.* – Его голос, змеясь, проникает в головы всех присутствующих – уши затыкать бесполезно. – *Первой пойдет дивизия капитана Хаммара, следом – дивизия капитана Моргана! Капитаны Тейт и О'Хара дождутся прибытия остальных солдат и вооружения, после чего как можно скорее вступят в бой.*

Вооружения? – думаю я.

– Если, конечно, к тому времени битва уже не закончится...

Солдаты смеются – громко, испуганно, натужно.

– *Соединившись, вооруженные силы Нью-Прентисстауна загонят армию спэклов обратно на холм и покажут им, что такое НАСТОЯЩАЯ ВОЙНА!*

Одобрительный рев солдат.

– Сэр! – кричит капитан Хаммар. – Как нам быть с армией «Ответа», сэр?

– Сперва разобьем спэклов, – отвечает мэр. – После этого сражение с «Ответом» покажется нам детской забавой.

Он обводит взглядом своих солдат, а потом смотрит на холм, по которому еще спускается армия спэклов. В следующий миг он вскидывает высоко над головой стиснутый кулак и посылает в мир самый громкий Шумный крик, какой мне доводилось слышать, – он проникает прямо в душу.

– *К БОЮ!!!*

– *К БОЮ!!!* – отзывается армия и быстрым маршем покидает главную площадь.

Мэр опять переводит взгляд на меня, вид у него такой, будто он еле сдерживает радостный смех. Не сказав ни слова, он пришпоривает Морпета, и они уносятся вслед за армией.

За армией, ушедшей на войну.

Следуй? – спрашивает Анггаррад, истекая страхом, точно потом.

– Он прав, – говорю я. – Нельзя выпускать его из виду. Он должен сдержать слово и выиграть войну. Он должен спасти *ее*.

Ради нее, думает Анггаррад.

Ради нее, с чувством думаю я в ответ.

И мысленно проговариваю ее имя...

Виола.

Тотчас Анггаррад бросается в бой.

[Виола]

Тодд, думаю я, скача на Желуде меж людей, толпящихся на дороге, – каждый пытается бежать то от ужасных трубных звуков с запада, то от бомбежки госпожи Койл на востоке.

БУМ! – взрывается очередная бомба, и неподалеку в небо поднимается огненный шар. Крики вокруг почти невыносимы. Люди, бегущие вверх по дороге, врезаются в тех, кто бежит *вниз*, и все путаются у нас под ногами.

Так мы никогда не доберемся до корабля переселенцев первыми.

На западе снова трубят в рог, и снова все вокруг оглашается людскими криками.

– Скорее, Желудь, – бормочу я, – что бы это ни было, мои друзья смогут...

Внезапно кто-то хватает меня за руку и едва не сдергивает на землю.

– Отдай коня! – орет на меня какой-то человек, все сильнее дергая за руку. – Отдай!

Желудь переступает с ноги на ногу и вертится на месте, пытаясь вырваться, но вокруг нас столпилось слишком много народу...

– Отпусти! – кричу я.

– Отдай мне коня! Спэклы идут!

От удивления я едва не вываливаюсь из седла.

– *Что?!*

Но он меня не слушает, и даже в темноте я вижу пылающий в его глазах ужас.

ДЕРЖИСЬ! – кричит Шум Желудя, и в следующий миг конь встает на дыбы, обрушивая копыта на моего обидчика, а потом уносится в ночь, расталкивая всех, кто преграждает нам путь.

Мы выезжаем на относительно свободный участок дороги, и Желудь припускает вперед еще быстрее.

– Спэклы?! – вслух спрашиваю я. – Что это значит? Не могли же они...

Спэклы, думает Желудь. **Армия спэклов. Война.**

Я оборачиваюсь на скаку и смотрю на огни, спускающиеся зигзагом по холму.

Армия спэклов.

На город идет еще одна армия.

«*Todd?*» – думаю я – и понимаю, что каждый удар копыта по дороге уносит меня все дальше от него. И от схваченного мэра.

Вся надежда на корабль. Мои друзья нам помогут. *Не знаю как*, но они помогут нам с Тоддом.

Мы остановили одну войну – остановим и другую.

И я снова твержу в мыслях его имя, «*Todd, Todd*», чтобы издалека придать ему сил. Мы с Желудем несемся навстречу «Ответу», навстречу кораблю-разведчику, и я, несмотря ни на что, надеюсь на чудо...

[Тодд]

Анггаррад бросается вслед за Морпетом и армией, которая мчится к холму, бесцеремонно сшибая с ног жителей Нью-Прентисстауна, ненароком оказывавшихся у них на пути. Армия состоит из двух батальонов; во главе первого скачет оружий во всю глотку мистер Хаммар, а во главе второго – чуть потише оружий мистер Морган. В целом по дороге марширует человек четыреста: винтовки подняты, лица искорежены воинственным криком.

А Шум...

Их Шум чудовищен. Он сливается в единый страшный **рев**, похожий на огромного и злобного великана, шагающего по дороге.

От этого звука сердце так и норовит выпрыгнуть из груди.

– Держись поближе ко мне, Тодд! – кричит мэр и немного сбавляет ход, чтобы я мог с ним поравняться.

– Не волнуйся, я с тебя глаз не спущу. – Я покрепче стискиваю винтовку.

– Это для твоего же блага, – бросает мэр через плечо. – И потом, ты мне тоже кое-что обещал. Нам потери от дружественного огня сейчас ни к чему. – Он подмигивает.

Виола, думаю я, мысленно бросая в мэра сгусток Шума.

Он морщится.

Да и ухмылочка с его лица сползает.

Мы едем дальше, по главной дороге через западную часть города, мимо развалин первых тюрем, которые «Ответ» спалил в результате своей самой крупной диверсии (если не считать сегодняшнего удара). Здесь я был всего раз, когда бежал на площадь с раненой Виолой на руках: нес ее из последних сил, нес навстречу надежде и спасению, но нашел только человека, который сейчас скачет рядом со мной, который убил тысячу спэклов, чтобы развязать эту войну, который пытал Виолу, который убил родного сына...

– Разве сейчас ты предпочел бы видеть на моем месте другого человека? – спрашивает мэр. – Разве я не гожусь для войны?

Чудовище, думаю я, вспоминая слова Бена: «Война превращает людей в чудовищ».

– Неправда, – возражает мэр. – Прежде всего она делает из нас мужчин. Без войны мы только дети.

Очередной трубный рев чуть не сносит нам головы. Некоторые солдаты сбиваются с шага.

Мы поднимаем глаза к подножию холма. Туда сейчас стеклось больше всего факелов: спэки собирают силы, чтобы дать нам отпор.

– Ты готов повзрослеть, Тодд? – спрашивает мэр.

[Виола]

БУМ!

Очередной взрыв гремит прямо впереди, совсем близко, и над кронами деревьев взлетают дымящиеся щепки. От страха я забываю о сломанных лодыжках и пытаюсь пришпорить Желудя, но тут же сгибаюсь пополам от боли. Повязки Ли (он до сих пор на юге, ищет «Ответ» там, где его нет, пожалуйста, пусть с ним все будет хорошо) хорошо фиксируют ноги, но все же это не гипс. Боль пронзает все мое тело, вплоть до железного клейма, рука под которым снова начинает пульсировать. Я закатываю рукав. Кожа вокруг железа красная и горячая, а сама полоска все так же прочна и ничему не поддается: ее не снять и не отрезать, теперь я 1391-я до конца своих дней.

Такую цену мне пришлось заплатить.

Чтобы найти его.

– И теперь мы сделаем все, чтобы эта плата не оказалась напрасной, – говорю я Желудю, который ласково называет меня Жеребенком и мчится дальше.

Воздух наполняется дымом, впереди показываются огни. Люди вокруг так же бегут в разные стороны, но здесь, на окраине города, их гораздо меньше.

Если госпожа Койл и «Ответ» ударили с востока, от министерства Вопросов, то они уже давно прошли мимо холма, на котором когда-то стояла радиобашня. Там наверняка и приземлился корабль. А госпожа Койл развернулась и на какой-нибудь небольшой быстрой двуколке помчалась им навстречу. Но кто тогда остался за главного?

Желудь несется вперед, дорога поворачивает...

БУМ!

Впереди вспыхивает свет, и еще одно общежитие взлетает на воздух, в ослепительном пламени на секунду мелькает отражение дороги.

И тут я их вижу.

«Ответ».

Мужчины и женщины шагают рядами друг за другом; у кого на груди, у кого прямо на лицах намалевана синяя «О».

И все с винтовками наготове...

А сзади едут телеги с взрывчаткой...

И хотя многих я узнаю даже издалека (госпожу Лоусон, Магнуса, госпожу Надари), они все мне как чужие – такие у них ожесточенные, суровые, сосредоточенные лица, такие напуганные, но храбрые и решительные глаза... Я невольно останавливаю Желудя – я боюсь ехать дальше.

Вспышка света затухает, и они снова скрываются в темноте.

Вперед? – спрашивает Желудь.

Я немного медлю, гадая, как они меня встретят. И станут ли вообще разбираться, кто это к ним скачет, – может, от греха подальше сразу пальнут по мне из всех ружей?

– Выбора нет, – говорю я.

И когда Желудь уже хочет пуститься вскачь...

– Виола? – доносится из темноты.

[Тодд]

Мы подходим к большому чистому полю: справа от нас ревет река, а впереди виднеются бурлящая стена водопада и зигзаг дороги. Армия с ревом входит на поле – капитан Хаммар во главе, – и, хотя я был здесь всего однажды, я отлично помню, что раньше тут стояли дома и деревья. Видимо, мэр заранее расчистил это место, чтобы сделать из него поле боя...

Прямо как знал...

Думать об этом мне некогда, потому что мистер Хаммар уже орет: «СТОЙ!», и солдаты начинают останавливаться, выстраиваясь в боевом порядке. Все мы смотрим вперед...

И вот они...

Первые отряды армии спэклов...

Высыпают на поле – сперва дюжина, потом две, десять, – льются с холма, точно река белой крови. В руках у них факелы, луки, стрелы и какие-то странные белые палки. Пехота толпится вокруг огромных белых зверей: они похожи на волов, но гораздо выше и шире, а из морды торчит массивный рог. Звери эти закованы в тяжелую броню – с виду глиняную, – и на многих спэклах точно такая же. Под глиной прячется тонкая белая кожа...

Очередной трубный рев чуть не рвет мне барабанные перепонки, и вот я вижу сам рог: он приделан к спинам двух рогатых тварей, и в него дует тот огромный спэкл...

И... боже...

Ох господи...

Их Шум...

Он скатывается с горы, сам по себе похожий на страшное оружие, точно пена на гребне огромной волны. Он летит прямо на нас... страшные картинки... наших солдат рвет на кусочки... вокруг творятся неопишуемые ужасы и мерзости...

Мы не останемся в долгу: головы спэклов летят с тонких белых плеч, пули разрывают на части белые тела, всюду кровь и смерть без конца, без конца, без конца...

– Не отвлекайся, Тодд, – говорит мэр. – Или война унесет твою жизнь. А мне так любопытно узнать, каким мужчиной ты станешь.

– СТРОЙСЯ! – доносится крик мистера Хаммара, и армия тотчас начинает выстраиваться в нужном порядке. – ПЕРВАЯ ЛИНИЯ, ГОТОВЬСЯ! – кричит он, и солдаты вскидывают винтовки, готовые по команде броситься вперед; за первой линией уже образуется вторая.

Спэклы тоже остановились и разворачивают такой же длинный строй у подножия холма. Посреди их первой линии стоит рогатый зверь, а на спине у него закреплено что-то вроде гигантской белой костяной рогатки. За ней на спине зверя стоит спэкл.

– Это еще что такое? – спрашиваю я мэра.

– Скоро узнаем, – ухмыляется он.

– ГОТОООВСЬ! – орет мистер Хаммар.

– Держись ближе ко мне, Тодд, – предостерегает меня мэр. – Не лезь на рожон.

– Да знаю, – с тяжелым чувством отвечаю я. – Ты руки пачкать не любишь.

Мэр ловит мой взгляд:

– Не переживай, еще успеем перепачкаться!

А потом...

– ВПЕРЕД!!! – во всю глотку кричит мистер Хаммар.

И война начинается.

[Виола]

– Уилф! – кричу я, подъезжая.

Он сидит на облучке телеги, в правом фланге первой линии. Колонна «Ответа» продолжает упорный марш по дороге в затянутой дымом темноте.

– Живая, надо ж! – радостно вопит Уилф, спрыгивая с телеги и бросаясь ко мне. – А госпожа Койл сказала, ты умерла!

В моей груди вновь поднимается волна гнева на госпожу Койл, которая подложила мне в рюкзак бомбу, чтобы уничтожить мэра, при этом на *мою* жизнь ей было плевать.

– Она часто ошибается, Уилф, – говорю я.

Он поднимает на меня глаза, и я вижу страх в его Шуме. Самый невозмутимый и бесстрашный человек на этой планете – человек, который не моргнув глазом рисковал своей жизнью ради нас с Тоддом, – *боится*.

– Спэклы идут, Виола, – говорит он. – Тебе надо бежать.

– Я еду за подмогой...

Еще один **БУМ** поднимает на воздух здание неподалеку. До нас докатывается легкая ударная волна, и Уилф хватается за поводья Желудя, чтобы устоять на ногах.

– Да что они творят?! – кричу я.

– Это приказ госпожи, – отвечает Уилф. – Чтобы спасти все тело, иногда надо отрезать ногу.

Я закашливаюсь от дыма.

– Это в ее духе! Где она?

– Как только та махина над нами пролетела, она умчалась ее искать.

Мое сердце уходит в пятки.

– А где именно приземлился корабль?

Уилф показывает пальцем за спину:

– Вон там, где башня прежде стояла.

– Так я и думала!

Вдали снова трубят в рог. Всякий раз, когда раздается этот звук, люди вокруг принимают истошно вопить. Кричат даже в армии «Ответа».

– Беги, Виола, – повторяет Уилф, трогая меня за руку. – Армия спэклов – это не шутки. Тебе надо бежать. Прямо сейчас.

Я пытаюсь подавить в себе приступ страха за Тодда.

– Ты тоже беги, Уилф. План госпожи Койл не сработал. Армия мэра вернулась в город. – Уилф со свистом втягивает воздух. – Мы схватили мэра, – продолжаю я, – а Тодд сейчас пытается остановить армию. Но если вы ударите прямо сейчас, вас раздавят как муху.

Уилф оглядывается на «Ответ», марширующий по дороге: лица спэклов все так же напряжены и сосредоточены, хотя многие уже видят нас с Уилфом, и постепенно их охватывает удивление. Снова и снова в Шуме звучит мое имя.

– Госпожа Койл велела идти вперед и взрывать здания, что бы ни случилось.

– Кого она оставила за главного? Госпожу Лоусон? – Наступает тишина, и я удивленно смотрю на Уилфа. – Тебя?!

Он медленно кивает:

– Сказала, что я лучше всех умею выполнять приказы.

– Опять ошиблась, – говорю я. – Уилф, разворачивай армию.

Он оглядывается на неумолимо идущий вперед «Ответ».

– Целительницы меня не слушают, – говорит он, но я чувствую, как он лихорадочно что-то обдумывает.

– Верно, – киваю я, соглашаясь с его мыслью. – Зато послушают все остальные.
Уилф снова переводит взгляд на меня:

– Хорошо, я их разверну.

– А мне нужно добраться до корабля. Они нам помогут.

Уилф кивает и показывает пальцем за спину:

– Первый же поворот – твой. Госпожа Койл укатила двадцать минут назад.

– Спасибо, Уилф.

Он опять кивает и поворачивается к «Ответу».

– Отступаем! – вопит он. – Все назад!

Я пришпориваю Желудя, и мы проносимся мимо Уилфа и изумленных целительниц в первом ряду.

– Кто распорядился? – вопрошает госпожа Надари.

– Я! – отрезает Уилф таким властным тоном, какого я еще ни разу от него не слышала. –

И она!

Мы с Желудем уже промчались мимо и летим вперед.

Но я знаю, что он показывает пальцем на меня.

[Тодд]

Наша первая линия бросается через поле – точно стена падает на холм...

Солдаты бегут, выстроившись стрелой, и на самом ее кончике мчится мистер Хаммар...

Вторая линия стартует на долю секунды позже, и вот уже два ряда солдат сломя голову мчатся на спэклов с винтовками наготове, но...

– Почему они не стреляют? – спрашиваю я мэра.

Он громко выдыхает:

– Вероятно, от самонадеянности.

– Чего?!

– Мы всегда разбивали спэклов в ближнем бою. Это самый эффективный метод. Но... – Глаза мэра бегают по передним рядам вражеской армии.

Спэклы не шевелятся.

– Пожалуй, нам стоит отойти подальше, Тодд, – говорит мэр, уже пуская Морпета обратно по дороге.

Я оглядываюсь на бегущих солдат...

И неподвижных спэклов...

Они вот-вот столкнутся...

– Да что же они?..

– Тодд, – окликает меня мэр издалека: он отъехал уже метров на двадцать...

По толпе спэклов проносится вспышка Шума...

Какой-то сигнал...

Все спэклы в первом ряду поднимают луки...

И белые палки...

А спэклы на рогатых тварях берут по зажженному факелу в каждую руку...

– ГОТОВЬСЬ! – вопит мистер Хаммар, мчась напрямик на рогатого зверя...

Солдаты поднимают винтовки...

– Ты бы отошел подальше, а? – кричит мне мэр...

Я легонько трогаю поводья...

Но не могу оторвать взгляд от поля боя, от бегущих солдат и тех, что стоят за ними наготове...

А мы с мэром – в самом конце.
– ЦЕЛЬСЯ! – вопит мистер Хаммар во всю глотку и во всю силу своего Шума...
Я разворачиваю Анггард и скачу к мэру...
– Почему они не стреляют?! – ору я...
– Кто? – спрашивает мэр, все еще разглядывая спэклов. – Наши или враги?
Я оглядываюсь...
Между мистером Хаммаром и ближайшим рогатым зверем каких-то пятнадцать метров...
Десять...
– И те и другие!
Пять...
– А вот это, – говорит мэр, – уже интересно.
И тут спэкл с двумя факелами в руках соединяет их друг с другом позади белой рогатки...
И... **ВЖИХ!**
Взрывной, брызжущий, грохочущий и клокочущий поток огня, готовый поглотить весь мир, бурной рекой вырывается из рогатки. Он огромный и страшный, как ночной кошмар...
И он летит прямо в мистера Хаммара...
Тот резко поворачивает коня вправо, пытаясь увернуться...
Но поздно...
Его поглощает пламя...
Оно обволакивает мистера Хаммара и коня ровным слоем...
И они горят, горят, горят, пытаясь вырваться...
И скачут прямо к реке...
Но мистер Хаммар туда не доберется...
Он сваливается с пылающей спины своего коня...
И падает на землю, точно мешок пылающего мусора...
И лежит...
Конь прыгает в воду...
Все кричит и кричит...
Я резко разворачиваюсь...
И вижу пехоту: коней у них нет, ускакать они не могут...
А огонь...
Он плотнее и ярче обычного...
Плотнее и тяжелее...
Он сбивает солдат с ног, будто лавина...
Самых первых он съедает в один миг...
Так что они даже вскрикнуть не успевают...
Им еще повезло...
Потому что огонь ползет дальше...
Липнет к форме и волосам...
И к коже...
Господи, *кожа* солдат... Она вздувается пузырями и лопается...
Они падают...
И горят...
И кричат, как конь мистера Хаммара...
Все кричат и кричат...
Их Шум носится над полем, заглушая прочие мысли и картинки...

Но первая волна огня наконец спадает, и мистер Морган вопит «НАЗАД!!!», и солдаты в первых рядах разворачиваются и бегут прочь, отстреливаясь на бегу, но спэклы уже поднимают луки, и стрелы дугами рассекают воздух, а другие спэклы вскидывают белые палки и стреляют белыми вспышками, и стрелы втыкаются солдатам в спины, в животы, в лица, и они падают, падают... а вспышки из белых палок отрывают солдатам руки, ноги и головы, они падают на землю замертво...

А я сижу в седле и так крепко вцепился в гриву Анггаррад, что чуть не выдираю из нее клок волос...

От ужаса она даже не кричит...

И над всем этим раздаются слова мэра:

– Ну, наконец-то, Тодд! – И оборачивается ко мне: – Наконец-то у меня появился достойный враг.

[Виола]

Не проходит и минуты, как мы с Желудем отъехали от армии «Ответа», а впереди уже показывается поворот. Я узнаю дорогу. Она ведет к лечебному дому, где прошли мои первые недели в Нью-Прентисстауне и откуда мы с Мэдди однажды попытались сбежать...

Лечебный дом, где я обмывала труп Мэдди, убитой сержантом Хаммаром без всякой на то причины.

– Вперед, Желудь, – говорю я, отгоняя эти мысли. – Дорога к башне где-то здесь...

Темное небо за моей спиной внезапно озаряется светом. Я оборачиваюсь, Желудь тоже: хотя Нью-Прентисстаун остался далеко и за деревьями его не видно, вспыхнувший над городом свет такой яркий, что на несколько секунд он выхватывает из мрака дорогу и тех немногих, кому удалось сюда добраться. Что произошло? Откуда эта вспышка?

И как там Тодд?

[Тодд]

Снова, как гром среди ясного неба, вспыхивает адское пламя...

ВЖИИХХ!

Несется по полю, хватая бегущих солдат, плава винтовки, сжигая тела, десятками швыряя трупы на землю...

– Бежим отсюда! – кричу я мэру, замороженно наблюдающему за битвой.

Сам он сидит в седле неподвижно, зато глаза его бегают из стороны в сторону, жадно вбирая происходящее.

– Эти белые жезлы, – тихо говорит мэр, – явно пневматика, но какая мощная!

Я таращусь на него, не веря своим ушам.

– ЧЕГО ТЫ ВЫЛУПИЛСЯ? – ору я. – Сделай что-нибудь! Их убивают!

Мэр приподнимает одну бровь:

– А что, по-твоему, происходит на войне?

– Спэклы теперь вооружены гораздо лучше нас! Мы не сможем их остановить!

– Неужели? – смеется мэр.

Он снова переводит взгляд на поле боя. Я тоже. Спэкл на рогатом звере готовит факелы к очередному выстрелу, но один из обожженных солдат, поваленных второй волной огня, поднимает винтовку и стреляет. Спэкл хватается за шею, куда угодила пуля, и падает на землю.

Наши солдаты радостно ревут.

А мэр говорит:

– У каждого оружия есть недостатки.

Тотчас выжившие солдаты начинают перестраиваться, и на сей раз первым на врага бросается мистер Морган, ведя за собой уже *всех* бойцов. Снова гремят выстрелы, и снова спэклы осыпают наших градом стрел и белых вспышек, но теперь падают и они: глиняные доспехи с треском взрываются, летя под ноги другим спэклам, марширующим следом...

И все-таки враг наступает...

– Их гораздо больше, чем нас, – говорю я мэру.

– Примерно десять к одному, – кивает тот.

Я показываю пальцем на холм:

– И огненные орудия у них еще есть!

– Но они пока не готовы, Тодд, – отвечает мэр.

Он прав: твари с белыми рогатками на спинах стоят позади целой армии и вынуждены на время прекратить огненные атаки, иначе они рискуют спалить половину своих.

Но все же ряды спэклов уже смешались с нашими рядами, и бой идет не на жизнь, а на смерть. Мэр оценивает наши силы и бросает взгляд на опустевшую дорогу за нашими спинами.

– А знаешь, Тодд, – говорит он, – нам сейчас пригодится каждый боец. – Он поворачивается ко мне: – Пора вступить в бой.

Мое сердце уходит в пятки. Раз уж сам мэр решил рискнуть жизнью...

Значит, дела *очень* плохи.

[Виола]

– Вон там! – кричу я, завидев впереди дорогу, которая должна вести к башне на холме. Желудь бросается вверх по склону, с его спины и шеи летит белая пена.

– Знаю, – шепчу я промеж его ушей. – Мы почти на месте.

Жеребенок, думает он, как будто даже снисходительно. А может, он просто хочет меня утешить.

Когда мы огибаем холм, вокруг воцаряется кромешная тьма. На минуту меня полностью отрезает от всего мира, от звуков города, от света битвы, от малейших обрывков Шума. Мы с Желудем словно несемся по черному небу, мы – маленький кораблик на необъятных просторах космоса, где свет, излучаемый нами, так слаб по сравнению с окружающей чернотой, что его словно и нет вовсе...

Но потом с вершины холма доносится какой-то звук...

Очень знакомый...

Пар вырывается из воздухозаборников...

– Система охлаждения! – радостно кричу я Желудю, словно это самые прекрасные слова на свете.

Звук становится громче по мере того, как мы приближаемся к вершине, и я уже рисую корабль в своем воображении: два огромных воздухозаборника, благодаря которым двигатели охлаждаются при входе в атмосферу...

На нашем корабле эти воздухозаборники не открылись, и перегретые двигатели вспыхнули.

Те самые воздухозаборники, из-за которых погибли мои родители.

Желудь наконец одолевает подъем, и первые несколько секунд я вижу лишь огромную пустую поляну, на которой раньше стояла радиобашня – госпожа Койл взорвала ее, чтобы мэр не смог первым связаться с кораблями переселенцев. Большую часть обломков собрали в большие кучи, и я сперва вижу только их: три здоровенные горы, успевшие за несколько месяцев покрыться пылью.

Три груды металла...

А прямо за ними – четвертая...

В форме огромного ястреба с расправленными крыльями.

– Вон они!

Желудь делает последний рывок, и мы бросаемся к кораблю-разведчику, из-под днища которого в небо поднимается густой пар. Скоро я начинаю различать полосу света – должно быть, он падает из открытого люка под крылом корабля...

– Это они, они прилетели! – кричу я.

Да, это правда. Я уже не надеялась их дождаться и теперь буквально готова взлететь от переполняющей меня радости: они правда здесь, они здесь!..

Рядом с открытым люком виднеются три силуэта; заслышав топот лошадиных копыт, прибывшие оборачиваются...

Краем глаза я замечаю сбоку телегу и быков, мирно пощипывающих траву...

Мы подъезжаем ближе...

И ближе...

Наконец мы с Желудем влетаем в пятно света, и я вижу все три лица...

Да-да, как я и думала, это они! Мое сердце трепещет от радости и тоски по дому, на глаза наворачиваются слезы, горло спирает...

Потому что это Брэдли Тенч и Симона Уоткин с «Гаммы», они прилетели за мной и моими родителями...

Они пятятся, ошарашенные моим внезапным появлением, и секунду-другую пытаются разглядеть под слоем грязи и запекшейся крови мое лицо...

К тому же я выросла...

Я почти взрослая...

Их глаза удивленно распахиваются...

Симона открывает рот...

Но первой заговаривает не она.

Первой произносит мое имя та, чьи глаза распахнулись еще шире, и от неподдельного потрясения в ее голосе меня всю пробирает приятная дрожь.

– Виола! – охает госпожа Койл.

– Точно, – киваю я, глядя ей прямо в глаза. – Она самая.

[Тодд]

Мэр прищипривает Морпета и вслед за солдатами бросается в самую гущу битвы. А я, не успев даже толком подумать, тоже прищиприваю Анггарад, и она послушно кидается за ним.

Я не хочу здесь быть...

Я больше не хочу сражаться...

Но ради нее...

(Виола)

Ради нее я сделаю все что угодно...

Мы несемся мимо бегущих солдат. Поле боя вздымается передо мной людьми и спэклами, а с холма продолжают наступать все новые и новые вражьи силы, и я похож на муравья в муравейнике, потому что нигде не видно голой земли: она вся покрыта извивающимися телами...

– Сюда! – кричит мэр и резко уходит влево, в противоположную от реки сторону.

Наши солдаты оттеснили спэклов к берегу и подножию холма. Пока им удастся сдерживать наступление...

НО ЭТО НЕНАДОЛГО, раздается голос мэра прямо у меня в голове.

– Не смей! – ору я, вскидывая винтовку.

– Будь внимательней, мне бестолковые солдаты ни к чему! – кричит он в ответ. – Если от тебя нет толку на войне, зачем мне тебе помогать?

Ха, так мэр уже считает, что *сам* решил мне помогать. А ведь я схватил его и связал, я *победил*...

Но времени думать у меня больше нет, потому что я вижу, куда он скачет...

Наш левый фланг оказался самым слабым и малочисленным, спэклы это заметили и направили туда отряд.

– **ЗА МНОЙ!** – кричит мэр, и солдаты, мимо которых он проезжает, разворачиваются и бегут следом.

Мгновенно, даже не задумываясь...

Все вместе мы выдвигаемся к левому флангу и очень быстро – куда быстрее, чем хотелось бы, – пересекаем поле. Вокруг стоит просто *жуткий* грохот – солдаты орут, гремят выстрелы, тела со стуком падают на землю, клятый спэчий рог трубит каждые две секунды, и Шум... Шум... Шум... Шум...

Это кошмар наяву.

Что-то со свистом проносится мимо моего уха, я резко оборачиваюсь и вижу, как падает солдат, сраженный вражеской стрелой. Она угодила ему прямо в щеку...

Он кричит и падает...

И остается лежать...

СЛЕДИ ЗА СОБОЙ, ТОДД, произносит голос мэра у меня в голове. **ТЫ ВЕДЬ НЕ ХОЧЕШЬ ПРОИГРАТЬ В ПЕРВОЙ ЖЕ БИТВЕ?**

– Заткнись, понял?! – кричу я, разворачиваясь к нему.

НА ТВОЕМ МЕСТЕ Я БЫ ПОДНЯЛ ВИНТОВКУ, говорит он.

Я оглядываюсь...

И вижу...

На нас идут спэклы...

[Виола]

– Ты жива! – вскрикивает госпожа Койл, и ее лицо мигом меняется: вместо потрясения на нем уже притворная радость. – Слава богу!

– Не смейте! – ору я на нее. – Не смейте так говорить!

– Виола, – начинает она, но я уже соскальзываю со спины Желудя и, шипя от боли, поворачиваюсь к Симоне и Брэдли:

– Не верьте ни единому ее слову.

– Виола? – спрашивает Симона, шагая мне навстречу. – Это правда ты?

– Она ничем не лучше мэра. Не вздумайте ее слу...

Но я умолкаю, потому что Брэдли хватает меня в охапку и так крепко стискивает, что я и пикнуть не могу.

– О господи, Виола! – с жаром восклицает он. – Ваш корабль не выходил на связь. Мы подумали...

– Что случилось, Виола? – спрашивает Симона. – Где твои родители?

Меня переполняют чувства, и минуту-другую я не могу выдавить из себя ни слова. Я немножко отстраняюсь от Брэдли, свет падает на его лицо, и я вижу его – по-настоящему *вижу*: и добрые карие глаза, и темно-коричневую кожу, как у Коринн, и короткие кудрявые волосы, уже седеющие на висках. Это он, Брэдли, мой самый любимый человек в караване, который занимался со мной математикой и рисованием; я отвожу взгляд и вижу знакомое

веснушчатое лицо Симоны, убранные в хвостик рыжие волосы, крошечный шрам на подбородке... Подумать только, эти люди почти стерлись из моей памяти. Каждый божий день на этой проклятой планете я пыталась выжить и совсем забыла, что я родом из других мест: где меня любили, где люди заботились обо мне и друг о друге, где жили красивые умные женщины, женщины, как Симона, и добрые веселые мужчины, подобные Брэдли, которые всегда приходили мне на помощь и искренне хотели добра.

На глаза снова наворачиваются слезы. Вспоминать прошлое слишком больно. Такое чувство, что это было не со мной.

– Родители умерли, – наконец выдавливаю я. – Наш корабль разбился, и они умерли.

– Ох, Виола... – тихо произносит Брэдли.

– Меня нашел мальчик, – уже решительнее продолжаю я. – Храбрый и умный мальчик, который множество раз спасал меня от верной смерти. А сейчас он там, пытается остановить войну, которую развязала *она*!

– Ничего подобного я не делала, дитя, – говорит госпожа Койл. Напускная радость с ее лица уже исчезла.

– Не смейте так меня называть!

– Мы все пытаемся противостоять тирану, который убивал людей сотнями, а то и тысячами, который клеймил и бросал в тюрьму женщин...

– Замолчите, – низким, угрожающим голосом говорю я. – Вы чуть меня не убили и не имеете никакого права судить других!

– *Что* она сделала?! – выдыхает Брэдли.

– По вашей милости Уилф, славный, миролюбивый Уилф, пошел в бой и взрывает дома невинных людей!

– Виола... – пытается вставить хоть слово госпожа Койл.

– Молчите!

И она замолкает.

– Вы хоть знаете, что там сейчас происходит? Знаете, на какие ужасы чуть не обрекли «Ответ»?

Госпожа Койл молчит. Лицо ее мрачнее тучи.

– Мэр разгадал ваши планы, – говорю я. – В центре города вас поджидала бы целая армия! Они хотели стереть «Ответ» с лица земли!

Но госпожа Койл отвечает только:

– Ты недооцениваешь боевой дух «Ответа».

– Что такое «Ответ»? – спрашивает Брэдли.

– Террористическая группировка, – отвечаю я. Просто назло госпоже Койл, чтобы полюбоваться на ее лицо.

И зрелище того стоит, поверьте.

– Выбирай слова, Виола Ид, – шипит госпожа Койл, шагая ко мне.

– А то что? Еще разок меня взорвете?

– Стоп, стоп! – восклицает Симона, вставая между нами. – Что бы тут ни случилось, – она поворачивается к госпоже Койл, – вы явно рассказали нам не все.

Госпожа Койл раздраженно вздыхает:

– Он действительно творил ужасные вещи! Правда, Виола?

Я пытаюсь ее переглядеть, но все-таки она права, мэр – страшный человек.

– Неважно, мы его уже схватили, – говорю я. – Тодд сейчас там, сторожит мэра, но ему срочно нужна наша помощь, потому что...

– Верно, отношения выяснять будем потом, – кивает госпожа Койл и обращается к Симоне и Брэдли: – Вот что я пыталась вам сказать: мы должны как можно скорее остановить армию...

– Две армии, – вставляю я.
Госпожа Койл оборачивается и с досадой заявляет:
– «Ответ» не нужно останавливать!
– А я не про «Ответ». С запада в долину спускается армия спэклов.
– Что-что? – переспрашивает Симона.
Но я смотрю только на госпожу Койл.
Она разинула рот.
И страх заливает ее лицо.

[Тодд]

Они уже здесь...
Склон перед нами скалистый и крутой, поэтому спэклы не могут броситься прямо на нас, но они уже бегут по полю к нашему флангу...
Они наступают...
Они здесь...
Я поднимаю винтовку...
Вокруг солдаты, кто-то рвется вперед, кто-то назад, кто-то врывается в Анггард, а ее Шум без конца кричит: **Жеребенок, жеребенок!**
– Все хорошо, девочка, – вру я.
И вот они...
Воздух вокруг взрывается множеством выстрелов, словно с земли взлетает огромная стая птиц...
Свистят стрелы...
Спэклы бьют из жезлов белыми вспышками...
А в следующий миг солдат передо мной пошатывается и падает, хватаясь за шею...
Которой больше нет.
Я не могу оторвать глаз от зияющей раны...
Хлещет кровь, солдат залит ею с головы до ног, в воздухе разносится железный запах...
Солдат смотрит на меня...
Ловит мой взгляд и не отпускает...
А его Шум...
Господи, его Шум...
Я внезапно оказываюсь прямо у него в голове: там мелькают образы его семьи, жены и маленького сына, он пытается удержать их, но Шум распадается на миллион кусков, и страх заливает все ослепительным красным светом, он тянется к своей жене, тянется к маленькому сыну, рассыпающемуся на куски...
А потом ему в грудь вонзается спэчья стрела...
И Шум умолкает.
А я снова оказываюсь на поле боя...
Снова в аду...
СОБЕРИСЬ, ТОДД! – говорит мэр у меня в голове.
Но я все еще смотрю на мертвого солдата...
Его безжизненные глаза смотрят на меня...
– Проклятие! – ругается мэр и...
Я – КРУГ, КРУГ – ЭТО Я, гремит у меня в голове, точно рушится огромная кирпичная стена...
Я – КРУГ, КРУГ – ЭТО Я, вторит его голос и мой...
Одновременно...

Прямо у меня в голове...
– Сгинь, – пытаюсь выдавить я...
Но голоса почему-то нет...
И...
И...
Я поднимаю голову...
Мне стало гораздо спокойней...
Все вокруг замедлило ход...
Я вижу, как один спэкл прорывает наш ряд...
И вскидывает белую палку, метя прямо в меня...
Мне придется это сделать...
Придется...
(убийца)
(я убийца)
Мне придется его убить, пока он не убил меня...
Я поднимаю винтовку...
Винтовку, которую отнял у Дейви...
И я думаю: *Ох, пожалуйста*, – и кладу палец на спусковой крючок.
Пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста...
И...
Щелк...
Я потрясенно опускаю глаза.
Моя винтовка не заряжена.

[Виола]

– Ты лжешь, – говорит госпожа Койл, но сама уже смотрит в сторону города, словно хочет разглядеть его за деревьями.

Конечно, там ничего не видно, лишь контур леса темнеет на фоне сияющего горизонта. Пар вырывается из решеток вентиляционной системы с таким грохотом, что мы почти не слышим друг друга. Теперь понятно, почему они не слышали рева труб.

– Это невозможно, – упорствует госпожа Койл. – Мы заключили договор!

Спэклы! – твердит Желудь за моей спиной.

– Что ты сказала? – переспрашивает меня Симона.

– Нет, – качает головой госпожа Койл. – Нет, нет!

– Кто-нибудь объяснит нам, что происходит? – вопрошает Брэдли.

– Спэклы – это аборигены, – начинаю я. – Очень умные, ловкие...

– И беспощадные в бою, – добавляет госпожа Койл.

– Я видела только одного, он был совсем не злой и куда больше боялся людей, чем здешние люди боятся спэклов.

– Ты просто с ними не воевала.

– Вот именно, и я не пыталась сделать из них рабов.

– Я не стану тратить время на споры с ребенком...

– Они не могли напасть без причины! – Я поворачиваюсь к Симоне и Брэдли. – Все дело в мэре. Он уничтожил поработанных спэклов, но если мы сможем вступить с ними в переговоры, объяснить, что мы не такие, как мэр...

– Они убьют твоего драгоценного друга, – усмехается госпожа Койл. – Даже глазом не моргнут.

От внезапно охватившей меня паники я на секунду прекращаю дышать, но потом вспоминаю, как она любит сеять в людях панику. Ведь напуганными людьми гораздо проще управлять.

Но я не поддамся на ее уловки. Мы должны остановить этот кошмар.

И мы с Тоддом это сделаем.

– Мы схватили мэра, – говорю я. – Если спэклы это увидят...

– Не поймите меня неправильно, – перебивает меня госпожа Койл, обращаясь к Симоне, – познания Виолы об истории этого мира крайне ограничены. Если спэклы действительно атакуют, мы должны дать им отпор!

– Отпор? – Брэдли хмурится. – Вы за кого нас принимаете?

– Тодду нужна наша помощь, – говорю я. – Скорее летим туда, пока не поздно...

– Уже поздно, – встречает госпожа Койл. – Но если вы позволите мне подняться на корабль, я покажу...

Симона качает головой:

– Атмосфера здесь оказалась гораздо плотнее, чем мы думали. Пришлось приземлиться и включить систему охлаждения на полную мощность...

– Нет! – вырывается у меня. Ну конечно, оба воздухозаборника открыты...

– Что это значит? – спрашивает госпожа Койл.

– Что еще минимум восемь часов корабль будет стоять на месте, чтобы охладить двигатели и заполнить топливные отсеки, – отвечает Симона.

– Восемь часов?! – восклицает госпожа Койл и стискивает кулаки – ей-богу, она стискивает кулаки от досады!

Но я понимаю ее чувства.

– Мы должны помочь Тодду! – говорю я. – Он не может управлять одной армией и сражаться с другой...

– Ему придется освободить президента, – улыбается госпожа Койл.

– Нет! – выпаливаю я. – Он никогда так не поступит!

Ведь правда?

Нет.

Он не может. Мы слишком от него натерпелись.

– Война заставляет людей принимать не самые лучшие решения, – говорит госпожа Койл. – Каким бы замечательным ни был твой друг, он один против легиона.

Я вновь подавляю приступ паники и поворачиваюсь к Брэдли:

– Надо что-то предпринять!

Они с Симоной переглядываются, и я понимаю, о чем они думают: ну и угораздило же их приземлиться в таком месте! А потом Брэдли вдруг щелкает пальцами, словно вспоминает что-то важное:

– Стойте!

И кидается по ступенькам в салон корабля.

[Тодд]

Я опять нажимаю на курок...

Но винтовка только щелкает...

Я поднимаю глаза...

А спэкл поднимает белый жезл...

(что это за штуки?)

(почему они такие мощные?)

И мне конец...

Конец...

Мне...

БАХ!

Прямо над моей головой гремит выстрел...

И спэкл, который хотел меня убить, падает на бок; по голой шее над доспехами струится алая кровь...

Мэр...

Мэр его пристрелил...

Я таращусь на него, не обращая внимания на битву вокруг нас...

– Ты послал родного сына на войну с незаряженной винтовкой?! – кричу я, весь трясясь от гнева и страха.

– Сейчас не время для разговоров, Тодд, – отвечает мэр.

Я отдергиваю голову: у самого уха со свистом проносится очередная стрела. Я хватаю поводья и разворачиваю Анггарад, чтобы убраться отсюда, но в ту же секунду на Морпета валится солдат с жуткой дырой в животе. Он тянет руки к мэру, моля о помощи...

А мэр выхватывает винтовку у него из рук и бросает мне... Я машинально ловлю ее, пачкая руки кровью...

ДЛЯ ЦЕРЕМОНИЙ ТОЖЕ НЕ ВРЕМЯ, звучит голос мэра у меня в голове. **ПОВЕРНИСЬ И СТРЕЛЯЙ!**

Я поворачиваюсь...

И стреляю...

[Виола]

– Исследовательский зонд! – говорит Брэдли, спускаясь по трапу с какой-то железной штукой в руках, похожей на полуметровое насекомое с блестящими стальными крыльями и тонким стальным телом. Брэдли протягивает его Симоне. Она кивает. Значит, начальником экспедиции и командиром корабля назначили ее.

– Что еще за зонд? – спрашивает госпожа Койл.

– Ну как же, для изучения местности, – отвечает Симона. – Разве у вас таких не было? Госпожа Койл фыркает:

– Наши корабли приземлились здесь двадцать три года назад. По сравнению с вами мы сюда практически на паровых двигателях долетели!

– А где твой? – спрашивает меня Брэдли, вбивая в зонд нужные настройки.

– После аварии мало что уцелело, – говорю я. – У меня и еды-то почти не осталось.

– Ничего, – пытается утешить меня Симона, – зато уцелела ты. Это самое главное. – Она подходит и хочет обнять меня за плечи.

– Осторожно, – предостерегаю ее. – У меня ноги переломаны.

– Виола... – с ужасом выдыхает Симона.

– Это не смертельно. Но я выжила только благодаря Тодду, ясно? И если он попал в беду, мы должны ему помочь!

– Все твои мысли об этом мальчишке, – ворчит госпожа Койл. – Ради него ты готова хоть всем миром пожертвовать!

– А вы готовы взорвать этот мир, потому что никто вам здесь не дорог!

Дорог, думает Желудь, беспокойно переступая с ноги на ногу.

Симона, хмурясь, смотрит на него:

– Постойте-ка...

– Готово! – говорит Брэдли, отходя от зонда с небольшим пультом управления в руке.

– А как зонд поймет, куда ему лететь? – спрашивает госпожа Койл.

– Я настроил его на самый яркий источник света, – отвечает Брэдли. – Высота полета у него ограничена, и зона охвата тоже небольшая, но несколько холмов мы увидим.

– А можно настроить его на поиск конкретного человека? – спрашиваю я.

И тут же умолкаю, потому что небо на западе вновь озаряет яркая вспышка. Все поворачивают головы в сторону города.

– Запускай зонд! – кричу я Брэдли. – Скорее!

[Тодд]

Ни о чем не думая и не понимая, что творю, я спускаю курок...

БАХ!

Из-за сильной отдачи я резко хватаюсь за поводья. Анггаррад начинает кружить на месте, и лишь через несколько секунд мне удастся разглядеть...

Спэкла...

Он лежит на земле передо мной...

(с ножом в горле)

С кровоточащей дыркой в груди...

– Меткий выстрел! – говорит мэр.

– Это *ты* сделал! – кричу я. – Я же сказал, не смей лезть в мою голову!

– Даже если я хочу спасти тебе жизнь, Тодд? – спрашивает он, подстреливая очередного спэкла.

Я оборачиваюсь с поднятой винтовкой...

Они всё идут...

Я прицеливаюсь в одного спэкла, который уже натянул тетиву лука...

И стреляю...

Но в последний момент нарочно дергаю винтовку в сторону, чтобы промахнуться...

Спэкл отпрыгивает, так и не выстрелив. Сработало!..

– Так войну не выиграешь, Тодд! – вопит мэр, стреляя в того же спэкла и попадая ему в подбородок. Тот падает навзничь. – Ты должен сделать выбор! – продолжает орать мэр, водя дулом из стороны в сторону. – Ты же сказал, что ради нее готов убивать! Опять соврал?

И снова мимо моего уха со свистом проносится стрела...

Анггаррад взвизгивает как резаная...

Я оборачиваюсь в седле...

Стрела угодила ей прямо в круп...

Жеребенок! – вопит она. **ЖЕРЕБЕНОК!**

Я тут же тяну руку назад, пытаюсь схватить стрелу и не вывалиться из седла, а моя лошадка скачет от боли как сумасшедшая, и стрела с хрустом ломается у меня в руке, а наконечник остается в крупе, и она кричит: **Жеребенок! Жеребенок Тодд!** Я пытаюсь ее успокоить, чтобы не свалиться в толпу кишащих вокруг солдат...

И вот тут-то...

ВЖИХ!

Ослепительно вспыхивает свет, я оборачиваюсь...

Спэклы сумели подогнать еще одну огненную рогатку к подножию холма...

Пламя вырывается из рогатки, укрепленной на спине огромного лохматого зверя, и бьет в самую гущу нашего строя, солдаты кричат и горят, кричат и горят, остальные бегут прочь, и наш строй распадается...

Анггаррад все брыкается и визжит, но тут нас начинает сносить волной отступающих солдат... Анггаррад снова дергается всем телом... И я роняю винтовку...

А огонь все надвигается...

Солдаты бегут...

Повсюду дым...

Вдруг Ангаррад бросается вперед, и мы оказываемся на расчищенном участке поля; солдаты за нами, а спэклы прямо впереди, и у меня даже нет винтовки, и мэра нигде не видно...

Тут нас замечает спэкл с факелами, стоящий на спине рогатого зверя...

И трогается в нашу сторону...

[Виола]

Брэдли жмет на дисплей пульта. Зонд почти беззвучно, с легким гудением поднимается над землей, на секунду замирает в воздухе, расправляет крылья и молниеносно уносится в сторону города.

– Ух ты! – выдыхает госпожа Койл и переводит взгляд на Брэдли: – Теперь мы сможем увидеть, что там происходит?

– И даже услышать, – кивает тот. – Но, конечно, не все.

Брэдли снова жмет на дисплей, и из одного конца пульта управления выстреливает луч света, который проецирует в воздух трехмерную картинку – в ярко-зеленых тонах, снятую прибором ночного видения. Деревья, дорога, крошечные человечки...

– Далеко до города? – спрашивает Брэдли.

– Километров десять, – отвечаю я.

– Тогда зонд почти на месте...

И тут он действительно подлетает к городу: мы видим восточную окраину, горящие здания, взорванные «Ответом», руины собора, людей, разбегающихся кто куда в разные стороны...

– Господи, – шепчет Симона. – Виола, это же...

– Он не остановился! – замечает госпожа Койл.

Да, зонд летит дальше, мимо главной площади и по дороге на запад...

– Выходит, самый яркий источник света... – начинает Брэдли.

И тут мы все видим.

[Тодд]

Солдаты горят...

Всюду крики...

Воняет паленым мясом...

Я кое-как подавляю тошноту...

Спэкл идет прямо на меня...

Он стоит на спине рогатого зверя, ноги надежно примотаны к чему-то вроде сапог, образующих с седлом одно целое, – ему даже не приходится балансировать...

В каждой руке у него по горящему факелу, а прямо перед ним огромная белая рога-тина...

И я вижу его Шум...

Я вижу *себя* в его Шуме...

Себя и Ангаррад посреди чистого поля...

Она ржет и брыкается, из круп торчит сломанное древко... А я пялюсь на спэкла...

Безоружный...

Прямо за мной самое слабое место в нашем строю...

В Шуме спэкла он стреляет из рогатки, и огненный поток сносит меня и солдат за моей спиной...

Оставляя огромную брешь, через которую вражеская армия хлынет к городу...

И мы проиграем войну, не успевшую толком начаться...

Я хватаю поводья и пытаюсь сдвинуть Анггаррад с места, но в ее Шуме только боль и панический страх, а сама она все твердит: **Жеребенок! Жеребенок Тодд!** И от этих криков у меня разрывается сердце. Я оборачиваюсь в седле, отчаянно ища взглядом мэра, да хоть *кого-нибудь*, кто сможет пристрелить спэкла с факелами...

Но мэра не видно...

За дымом и толпой перепуганных солдат...

Никто даже винтовки не поднимет...

А спэкл уже заносит над головой горящие факелы...

И я думаю: *Нет...*

Я думаю: *Нет, так нельзя, не может все так кончиться...*

Я думаю: *Виола...*

Я думаю: *Виола...*

И: *Виола?*

Может, мое оружие подействует и на спэкла?

Я выпрямляюсь в седле...

И вспоминаю, как ее уносил от меня конь Дейви... Вспоминаю ее сломанные лодыжки...

Как мы пообещали друг другу, что никогда не расстанемся, даже в мыслях...

Вспоминаю ее пальцы, переплетенные с моими...

(стараясь не думать о том, что бы она сказала, если б узнала про мою сделку с мэром)

И думаю только: *Виола...*

Думаю: ***Виола...***

Прямо в спэкла на рогатом звере...

Думаю...

ВИОЛА!

Его голова резко дергается, он роняет факелы и падает на спину своего зверя, а потом выскальзывается из седельных сапог и валится на землю. Лишившись наездника, рогатый зверь пятится, разбивая своей тушей волну наступающих спэклов, и тут...

За моей спиной раздается ликующий рев...

Я оборачиваюсь и вижу солдат: они пришли в себя, они бегут вперед, на врага, они уже всюду...

Среди них вдруг оказывается мэр. Он говорит:

– Отлично, Тодд! Я знал, что ты не подведешь!

Анггаррад подо мной теряет силы, но все еще зовет: **Жеребенок? Жеребенок Тодд?**

– Некогда отдыхать, – говорит мэр...

Я поднимаю глаза... и вижу огромную стену вражеской армии, неумолимо идущую вперед, чтобы сожрать нас заживо...

[Виола]

– Господи, – выдыхает Брэдли.

– Это... – в ужасе произносит Симона... – Они что же, горят?!

Брэдли нажимает кнопку, и картинка приближается...

Да, они в самом деле горят...

Сквозь ключья дыма мы видим страшный хаос: солдаты мечутся туда-сюда, одни пытаются наступать, другие бегут... А третьи горят живьем... Кто-то бежит к реке, но не добегают и остаются лежать на земле...

У меня в голове бьется одно слово: Тодд.

– Но вы же сказали, что заключили с аборигенами мирный договор? – Симона пристально смотрит на госпожу Койл.

– Да, но сперва была кровопролитная война, в которой мы гибли сотнями, а они – тысячами, – оправдывается та.

Брэдли снова жмет на дисплей. Камера отъезжает, показывая на дорогу и подножие холма: все вокруг кишит спэклами в красновато-коричневых доспехах. Они держат в руках какие-то палки или жезлы и едут верхом на...

– Что это? – в ужасе спрашиваю я, показывая на огромных зверей, больше похожих на танки, с большим толстым рогом на носу.

– Бэттлморы, – отвечает госпожа Койл. – По крайней мере, так мы их называли. У спэклов нет языка в нашем понимании этого слова, они общаются мыслеобразами, но все это сейчас неважно! Разбив армию мэра, они придут за нами!

– А если мэр их разобьет? – спрашивает Брэдли.

– Если победит он, вся планета будет в его руках, – усмехается госпожа Койл. – На такой планете, поверьте, вам жить не захочется.

– А если бы планета попала в ваши руки? – спрашивает Брэдли с неожиданным вызовом в голосе. – Нам бы захотелось на ней жить?

Госпожа Койл удивленно моргает.

– Брэдли... – начинает Симона...

Но я больше их не слушаю...

Я смотрю на проекцию...

Камера спустилась с холма и немного сдвинулась на юг...

И вот он...

В самой гуще сражения...

Окруженный солдатами...

Пытается дать отпор спэклам...

– Тодд, – выдыхаю я...

И вижу, кто скачет на лошади рядом с ним...

Все внутри обрывается...

Это мэр...

Жив-здоров и свободен, как и говорила госпожа Койл... Тодд его отпустил...

Или мэр его заставил...

Но тут дым снова застилает картинку, и больше уже ничего не разобрать.

– Увеличь картинку! – кричу я. – Там Тодд!

Госпожа Койл сверлит меня взглядом, пока Брэдли жмет на дисплей, и камера беспорядочно мечется по мертвым телам, бегущим солдатам и спэклам: все так перемешалось... как же они сражаются, не боясь задеть своих?

– Надо вытащить его оттуда! – воплю я. – Мы должны его спасти!

– Восемь часов, – говорит Симона. – Мы не можем...

– Нет! – ору я, ковыляя к Желудю. – Я должна спасти Тодда...

Но госпожа Койл уже спрашивает Симону:

– Оружие на корабле есть?

Я резко разворачиваюсь.

– Вы же не могли сесть на незнакомую планету безоружными, – говорит госпожа Койл.

– Это вас не касается, мадам. – Лицо у Брэдли делается суровое, как никогда.

Однако Симона отвечает:

– У нас есть двенадцать универсальных ракет...

– Нет! – перебивает ее Брэдли. – Мы сюда не воевать прилетели.

– ...и кассетные бомбы.

– Кассетные бомбы? – переспрашивает госпожа Койл.

– Да, это такие маленькие снаряды, которые сбрасывают по несколько штук, но...

– Симона, – сердито обрывает ее Брэдли. – Мы прибыли с миром...

Но госпожа Койл перебивает их обоих:

– Прямо отсюда ударить сможете?

[Тодд]

Мы идем вперед...

Вперед, вперед, вперед...

Прямо на строй атакующих спэклов...

Их так много...

И Анггаррад подо мной ржет от боли и страха...

Прости меня, девочка, прости...

Но времени нет...

Ни на что, кроме войны...

– Держи! – кричит мэр, впихивая мне в руки новую винтовку...

И мы с ним бросаемся на врага во главе небольшого отряда...

Небольшой отряд – против целой толпы спэклов...

Я поднимаю винтовку...

И спускаю крючок...

БАХ!

От грохота я закрываю глаза и не вижу, куда попал, но вокруг все равно почти ничего не видно из-за дыма. Анггаррад подо мной кричит, но скачет вперед, и доспехи спэклов с треском разлетаются на куски под непрекращающимся огнем, а на нас летит град стрел и все вокруг озаряется белыми вспышками, и я от страха не могу даже дышать и просто палю во все стороны из винтовки, не видя, куда летят пули...

А спэклы все идут, перебираясь через тела поверженных... Их Шум широко раскрыт, и Шум наших солдат тоже, и у меня такое чувство, что вокруг гремит сразу тысяча войн, а не одна, потому что в головах мужчин и спэклов она прокручивается снова и снова, так что весь воздух и небо и мой мозг и душу доверху наполняет война, и она лезет у меня из ушей, изо рта...

Как будто ничего другого я не знал в своей жизни, как будто она была всегда и всегда будет...

И тут я чувствую, что какое-то шипение мне обжигает руку, я машинально шарахуюсь в сторону и вижу спэкла, который направил на меня белую палку, и вижу черное пятно на рукаве своего бушлата, от пятна вьется дымок, а кожа под ним горит, как от сильного шлепка...

До меня доходит, что я чуть не потерял руку: если бы вспышка пронеслась двумя сантиметрами левее...

БАХ!

За спиной гремит выстрел...

Это мэр, он снова пристрелил спэкла.

– Ты уже дважды обязан мне жизнью, Тодд.

С этими словами он опять бросается в бой.

[Виола]

Брэдли открывает рот, но Симона отвечает первой:

– Сможем.

– Симона!.. – осаживает ее Брэдли.

– Но по кому именно мы должны ударить? По чьей армии? – спрашивает она.

– По спэклам, конечно! – восклицает госпожа Койл.

– Минуту назад вы хотели остановить президентскую армию, – напоминает ей Брэдли. – А Виола сказала, что вы пытались ее убить из каких-то личных побуждений. С какой стати мы должны вам доверять?

– Не должны, – вставляю я.

– Даже если я права, дитя?! – Госпожа Койл тычет пальцем в картинку: – Они вот-вот проиграют битву! Посмотри, вон там спэклы прорвали нашу линию и уже хлынули к городу.

Todd, думаю я. *Беги!*

– Можно нанести удар по подножию холма, – предлагает Симона.

Брэдли в ужасе поворачивается к ней:

– Да мы же только приземлились! И первым делом убьем тысячу туземцев, с которыми нам делить эту планету всю оставшуюся жизнь?

– Она будет очень недолгой, если сейчас же не предпринять решительные меры! – практически кричит госпожа Койл.

– Мы их только припугнем, покажем нашу силу, – пытается урезонить Симона Брэдли. – Чтобы они прекратили наступление и согласились на переговоры...

Госпожа Койл громко цокает.

– С ними нельзя договориться! – возмущается она.

– Вам уже удавалось, – говорит ей Брэдли и снова обращается к Симоне: – Слушай, ты правда хочешь ввязаться в эту войну? Даже не зная, кому можно доверять, а кому нет? Просто ударим по ним ракетой и будем надеяться на лучшее?

– Там же люди умирают! – вопит госпожа Койл.

– Люди, которых вы только что просили УБИТЬ! – орет в ответ Брэдли. – Если президент действительно устроил геноцид, они пришли мстить, а наше вмешательство только подольет масла в огонь!

– Хватит! – резко обрывает его Симона, и мы все сразу понимаем, кто тут главный. Брэдли и госпожа Койл умолкают. А потом Симона спрашивает: – Виола?

Все переводят взгляд на меня.

– Ты ведь здесь жила, – говорит Симона. – Что нам делать?

[Тодд]

Мы проигрываем...

Сомнений быть не может...

То, что я сбил спэкла с факелами, лишь ненадолго спасло дело...

Солдаты все пробиваются вперед, палят из винтовок и идут, а спэклы падают и умирают...

Но с холма спускаются новые...

И их *гораздо* больше, чем нас...

Мы пока живы, только потому что остальные звери с огненными рогатками на спинах еще не добрались до подножия холма...

Но они идут...

И когда они доберутся...

Я – КРУГ, КРУГ – ЭТО Я... пульсирует у меня в голове, когда Морпет врезается в Анггаррад, а та от истощения даже морду поднять не может...

– Не зевай! – кричит мэр. – Или все пропало!

– Все *уже* пропало! – ору я в ответ. – Нам не победить!

– Самое темное время – всегда перед рассветом.

Я ошалело смотрю на мэра:

– Что за дурацкая поговорка? Перед рассветом всегда *светло*!

ПРИГНИСЬ! – вбивает он мне в голову, я невольно прижимаюсь к спине Анггаррад, и прямо надо мной пролетает стрела.

– Третий раз! – кричит мэр.

И тут спэклы снова трубят в рог – так громко, что звук почти *видно*: воздух от него корежится и гнется.

В нем звучит новая нота...

Победная...

Мы резко оборачиваемся...

Враг пробил наш строй...

Мистер Морган упал под ноги рогатому зверю...

Толпы спэклов бегут вниз по склону...

Потоки вражеской армии стекают на поле боя со всех сторон...

Пробиваясь сквозь наших солдат, которые продолжают сражаться, несмотря ни на что...

Огромная волна спэклов несется на нас с мэром...

– Готовься! – кричит мэр...

– Надо отступить! – ору я. – Бежим!

Я пытаюсь схватить поводья...

Но тут оглядываюсь...

За нашей спиной тоже спэклы...

Мы окружены...

– Готовься! – кричит мэр прямо в гущу солдат вокруг него...

Виола, думаю я...

Ох, помоги, думаю я...

– БЬЕМСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО СОЛДАТА! – приказывает мэр.

[Виола]

– Да она же сопливая девчонка! Что она понимает? – взрывается госпожа Койл.

– Девчонка, которой мы доверяем. Девчонка, которая прошла подготовку вместе с родителями и знает, что делать.

Я краснею, хотя это правда. Меня действительно учили колонизировать планеты. И я столько всего здесь пережила, что мое мнение чего-то да стоит...

Я смотрю на проекцию битвы, которая становится все ожесточенней с каждой минутой, и пытаюсь думать. То, что происходит, ужасно, однако спэклы напали не без причины. Их цель – уничтожить мэра, но ведь незадолго до атаки мы его схватили...

– Там же твой Тодд! – говорит госпожа Койл. – Его убьют, если ничего не предпринять.

– И без вас знаю! – огрызаюсь я.

Потому что она права, и это самое главное.

Я перевожу взгляд на Брэдли и Симону.

– Это ужасно, но мы должны ему помочь. Должны! Мы с Тоддом чуть не спасли мир, пока не вмешались эти...

– Не слишком ли высокую цену мы заплатим за спасение его жизни? – мягко, но серьезно спрашивает Брэдли, пытаясь меня образумить. – Подумай хорошенько. Нас будут судить по первым поступкам. Именно они определяют наше будущее на этой планете.

– Я не склонна доверять этой женщине, Виола, – говорит Симона, и госпожа Койл бросает на нее злобный взгляд, – но это не значит, что сейчас она не права. Если ты скажешь, Виола, мы вмешаемся.

– Если ты скажешь, Виола, – с легким вызовом повторяет Брэдли ее слова, – наша жизнь на этой планете начнется с войны... и войной продолжится.

– Ох, да что же это! – взрывается госпожа Койл. – Будущее в наших руках, Виола! Мы можем все изменить! Даже не ради меня, дитя, ради Тодда, ради себя! Ты можешь положить конец этому кошмару!

– Или положить начало кошмару похуже, – добавляет Брэдли.

Все смотрят на меня. Я перевожу взгляд на проекцию. Спэклы окончательно смешались с людьми, а с холма спускаются все новые...

И Тодд где-то там.

– Если ничего не предпринять, – вздыхает госпожа Койл, – твой друг умрет.

Todd, думаю я...

Готова ли я развязать новую войну ради него?

Готова?

– Виола? – спрашивает Симона. – Что нам делать?

[Тодд]

Я стреляю, но все вокруг так перемешалось, что мне приходится целиться очень высоко, иначе я попаду в своих же, поэтому и во врага я не попадаю. Вдруг прямо передо мной вырастает спэкл и приставляет белую палку к Анггаррад. Я размахиваюсь винтовкой, бью его по голове; он падает, но на подходе уже следующий, он хватается меня за руку, и я думаю **ВИОЛА** ему в лицо, он валится на спину и в ту же секунду стрела пробивает насквозь мой левый рукав – стрела, чуть-чуть не попавшая в шею, – и я хватаю поводья, чтобы развернуть Анггаррад, потому что выжить здесь нельзя, надо *бежать*... В солдата рядом со мной бьет белая вспышка, и мне в лицо брызжет фонтан крови, я ничего не вижу, но несусь куда-то, не разбирая дороги, и все, о чем я могу думать посреди этого Шумного кошмара, все, о чем я могу думать, видя умирающих людей и умирающих спэклов, видя их в Шуме даже с закрытыми глазами, все, о чем я могу думать, это...

Вот что такое война?

Вот что манит мужчин?

Вот что делает их *мужчинами*?

Когда смерть несется на тебя, грохоча и вопя с такой скоростью, что и поделать ничего нельзя...

Но тут я слышу голос мэра...

– *К БОЮ!* – кричит он...

Голосом и Шумом одновременно...

– *К БОЮ!*

Я стираю кровь, открываю глаза и ясно понимаю, что больше в моей жизни никогда ничего не будет, пока не придет смерть. Я вижу мэра верхом на Морпете, они оба залиты кровью, но мэр бьется так свирепо, что я даже слышу его Шум. Он холодный, как камень, и твердит: **ДО КОНЦА, ДО КОНЦА...**

Он ловит мой взгляд...

И я понимаю, что это в самом деле конец...

Мы проиграли...

Их слишком много...

Я крепко хватаюсь за гриву Ангаррад и думаю: *Виола*...

И вдруг...

БУМ!

Вся нижняя часть холма, по которому спускаются спэклы, взлетает на воздух в ревущем вихре огня, грязи и плоти...

Засыпая все вокруг камнями, комьями земли и кусками спэклов...

Ангаррад с криком валится на бок, а люди и спэклы вокруг орут и бросаются кто куда, но моя нога застряла под Ангаррад, и она силится встать, но не может...

Мимо проезжает мэр...

Он смеется...

– Что это было?! – ору я.

– ДАР НЕБЕС! – отвечает он на скаку, рассекая клубы дыма и пыли, а потом кричит солдатам: – *В БОЙ! СЕЙЧАС ЖЕ!*

[Виола]

Мы все резко оборачиваемся к проекции.

– Что это было?! – спрашиваю я.

На поле боя что-то взорвалось, но зонд показывает один сплошной дым. Брэдли жмет на дисплей, и зонд немного набирает высоту, однако за плотной пеленой дыма все равно ничего не разобрать.

– Он ведь записывает? – спрашивает Симона. – Перемотать можешь?

Брэдли опять что-то жмет, и все начинает двигаться в обратном порядке: огромное облако дыма сжимается и...

– Вот, – говорит Брэдли, останавливая перемотку.

На поле боя творится кошмар, спэклы прорывают линию обороны, как вдруг...

БУМ!

У подножия холма гремит взрыв: мощной ударной волной в разные стороны разносит спэклов, бэттлморов, комья земли и камни, а потом все сразу затягивает облаком дыма...

Брэдли снова перематывает запись, и мы просматриваем ее еще раз: маленькая вспышка, а потом всю нижнюю часть холма поднимает в воздух, и мы видим, как умирают спэклы...

Умирают, умирают...

Дюжинами...

И я вспоминаю того единственного, на берегу реки...

Вспоминаю его страх...

– Это ваших рук дело? – спрашивает Симона. – Ваша армия добралась до поля боя?

– У нас нет ракет, – отвечает госпожа Койл, не сводя глаз с проекции. – Иначе бы я сама по ним ударила, а не просила бы вас.

– Тогда кто это сделал? – упорствует Симона.

Брэдли возится с пультом: картинка становится четче и крупнее, а время замедляется, и вот мы уже видим сам снаряд, пушечное ядро, плавно подлетающее к подножию холма, и разрывающиеся на куски тела спэклов – ядру нет никакого дела до их жизней, их любимых и родных...

Тела поднимаются в воздух...

Сотням жизней приходит конец...

Это мы во всем виноваты, мы поработили спэклов и убивали тысячами, вынуждая их мстить... Хорошо, не мы, а мэр...

И вот мы снова их убиваем...

Симона и госпожа Койл о чем-то спорят, но я их больше не слушаю...

Потому что до меня доходит.

Когда Симона спросила меня, что делать, я хотела сказать ей, чтобы она запустила ракету.

Да, хотела.

Я собиралась сама, своими руками, отнять эти жизни, сказать: да, хорошо, давайте их убьем...

Убьем всех этих спэклов, которые имеют полное право на месть, ведь мы заслужили ее больше, чем кто-либо на этой планете...

Если бы я могла спасти Тодда, все остальное не имело бы никакого значения, я бы сделала это...

Я бы убила сотню, да хоть тысячу спэклов...

Ради Тодда я бы развязала еще одну войну, и куда более страшную.

От этого осознания мне становится так дурно, что я пошатываюсь и хватаюсь рукой за Желудя.

А потом слышу громкий голос госпожи Койл:

– Это может значить только одно: он сам наращивает вооружение!

[Тодд]

Среди дыма и криков Анггаррад умудряется встать на ноги. В ее Шуме царит тишина – жуткая тишина, – но Анггаррад поднимается, и я вижу, откуда прилетела ракета...

Со стороны города к нам идут новые силы во главе с мистером Тейтом и мистером О'Харой. Они подтянули оставшихся солдат и вооружение, о котором говорил мэр...

Вооружение, о котором я даже не знал...

– Секретное оружие должно оставаться секретным, иначе какой от него толк? – говорит мэр, подъезжая ко мне сзади.

На его лице сияет широкая улыбка.

Потому что к нам спешат сотни солдат, свеженьких, готовых броситься в бой...

А спэклы уже оборачиваются...

И смотрят на взорванный склон, пытаясь понять, можно ли по нему подняться...

А потом снова что-то вспыхивает, над нашими головами раздается свист, и...

БУМ!

Я вздрагиваю, а Анггаррад громко ржет, когда в склоне холма появляется еще один кратер, а в воздух взлетают грязь, дым, ошметки спэклов и рогатых зверей.

Мэр даже бровью не поводит, только радостно смотрит на новеньких солдат. Армия спэклов разворачивается и пытается бежать...

Но ее накрывает волной наших вновь прибывших...

И я тяжело дышу...

И смотрю на то, как разворачивается волна...

И я должен сказать...

Должен сказать...

(заткнись)

Мою грудь так и распирает от радости...

(заткнись)

От радости и облегчения...
Я чувствую стук своего сердца и вижу умирающих спэклов...
(заткнись, заткнись, *заткнись*)
– Ты ведь не очень расстроился, правда, Тодд? – спрашивает мэр.
Я смотрю на него, грязь и кровь засыхают на моем лице, вокруг валяются трупы спэклов и людей, а воздух наполняется новым ярким Шумом, хотя я думал, что громче быть уже не может...
– За мной! – кричит мэр. – Скоро ты узнаешь, каково быть победителем.
И он бросается вслед за новыми солдатами.
Я скачу за ним, подняв винтовку, но не стреляя, просто глядя по сторонам и чувствуя...
Чувствуя восторг...
Потому что в этом и смысл...
В этом подлый маленький секрет войны...
Когда ты побеждаешь...
Когда ты побеждаешь, она *захватывает*...
Спэклы бегут обратно на холм, пробираясь через завалы...
Бегут от нас...
И я поднимаю винтовку...
И целюсь в спины отступающих спэклов...
Палец на курке...
Я готов спустить его в любую секунду...
Один спэкл спотыкается о труп своего собрата, но труп не один, их два, нет, три...
А потом дым рассеивается, и я вижу трупы повсюду: весь склон засыпан спэклами, людьми и зверями...
Я снова на монастырской земле, и вокруг меня груды трупов...
Восторга как не бывало...
– *ЗАГОНЯЙТЕ ИХ НА ХОЛМ!* – вопит мэр солдатам. – *ПУСТЬ ПОЖАЛЕЮТ, ЧТО ПОЯВИЛИСЬ НА СВЕТ!*

[Виола]

– Кончается, – говорю я. – Битва подходит к концу.
Брэдли жмет на дисплей, и мы снова видим, что происходит на поле боя: туда прибывает новая армия.
И снова гремит взрыв.
А спэклы разворачиваются и бегут обратно, перебираясь через трупы своих братьев и кратеры от взрывов. Кто-то падает в реку, кто-то на дорогу вниз – в самую гущу армии, и жить им остается недолго.
От такого количества смертей мне становится физически плохо, в лодыжках и ногах пульсирует боль, и я опираюсь на Желудя, чтобы не упасть. Остальные продолжают спорить.
– Если это действительно его рук дело, – говорит госпожа Койл, – то он еще опаснее, чем я думала. Неужели вы хотите жить в мире, которым управляет такой человек?
– Не знаю, – отвечает Брэдли. – А вы – единственная альтернатива?
– Брэдли, – пытается урезонить его Симона, – она ведь в чем-то права.
– Неужели? – ухмыляется Брэдли.
– Мы не сможем разбить новое поселение, когда вокруг бушует война, – продолжает Симона. – Это наша последняя остановка. Больше нашим кораблям лететь некуда. Надо попытаться устроиться здесь, но для этого необходимо остановить войну...

– Корабли могут сесть в каком-нибудь другом месте, – высказывает предположение Брэдли. – На этой же планете, но подальше отсюда.

– Нет! – резко выдыхает госпожа Койл.

– А что? Ни один закон не предписывает нам селиться в уже существующих поселениях, – говорит ей Брэдли. – От вас мы никаких весточек не получали и садились в полной уверенности, что вы вообще сюда не добрались. Воюйте сколько душе угодно, нам-то что? Мы найдем себе другое место.

– Ты предлагаешь их бросить?! – в ужасе переспрашивает Симона.

– В итоге спэклы все равно на вас нападут, – усмехается госпожа Койл. – А вы понятия не имеете, как с ними сражаться.

– Ну да, а здесь нам придется сражаться с двумя армиями: спэклами и людьми. А в итоге, возможно, и с вами, – парирует Брэдли.

– Брэдли... – начинает было Симона.

– Нет! – громко заявляю я, чтобы все услышали.

Потому что я все еще смотрю на проекцию и вижу, как умирают люди и спэклы...

И все еще думаю о Тодде, о том, сколько жизней чуть не отняла ради того, чтобы спасти его...

От этих мыслей кружится голова.

Никогда и никому этого не пожелаю.

– Никаких бомбежек, – говорю я. – Вы что, не видите, спэклы отступают? Мы уже победили мэра – и победим еще раз. То же самое относится и к мирному договору со спэклами – заключим его снова. – Я с вызовом смотрю на госпожу Койл. – Больше никаких смертей. По своей воле я никому не причиню зла, даже армии, которая этого заслуживает, будь то армия мэра или спэклов. Мы найдем мирное решение.

– Умница! – говорит Брэдли. И смотрит на меня до боли знакомым взглядом – в нем столько доброты, любви и гордости, что сердце щемит.

И я отворачиваюсь, потому что мне стыдно, ведь я была так близка к другому решению...

– Что ж, раз вы тут все такие милые и добренькие, – ледяным, как со дна реки, голосом произносит госпожа Койл, – я пойду, а то мне еще жизни надо спасать.

И, прежде чем кто-либо успевает ее остановить, она прыгает в повозку и уносится в ночь.

[Тодд]

– БЕЙ ИХ! – вопит мэр. – ПУСТЬ БЕГУТ!

Впрочем, он может кричать что угодно, хоть перечислять сорта фруктов, солдаты все равно будут бросаться очертя голову на врага, перебираясь через завалы, отстреливая попадающихся на пути спэклов.

Мистер О'Хара скачет впереди свежих сил, ведя за собой ударную группу, но мистера Тейта мэр подозвал к себе – мы стоим и чего-то ждем на открытой площадке в конце поля.

Я спрыгиваю с Ангарада, чтобы получше рассмотреть ее рану. Вроде бы она не очень серьезная, но в Шуме Ангарада все еще царит полная тишина, нет даже обычных лошадиных звуков. Понятия не имею, что это значит, но вряд ли что-то хорошее.

– Милая моя, – говорю я, пытаюсь унять дрожь в руках и погладить ее по спине. – Мы тебя мигом залатаем, ясно? Будешь как новенькая! Хорошая моя...

Но она только свешивает голову почти до самой земли, с губ и боков капает белая пена.

– Простите за задержку, сэр, – говорит мистер Тейт мэру. – Мобильность армии пока оставляет желать лучшего.

Я бросаю взгляд на выстроенную в ряд артиллерию: четыре большие пушки на стальных повозках, запряженных уставшими быками. Пушки отлиты из толстого черного металла и выглядят так, словно хотят разнести тебе черепушку. Оружие – секретное оружие, – созданное на секретном заводе вдали от города (рабочих, видать, тоже держали подальше, иначе все слышали бы их мысли), чтобы в считанные секунды стереть «Ответ» с лица земли. Вот только теперь его используют, чтобы стереть с лица земли спэклов.

Эти безобразные махины сделали мэра еще сильнее.

– Поручаю вам работать над этим, капитан. Уверен, вы прекрасно справитесь, – говорит мэр. – А сейчас найдите капитана О'Хару и велите ему отступать к подножию холма.

– Отступать? – удивленно переспрашивает мистер Тейт.

– Спэклы обратились в бегство. – Мэр кивает на почти пустой зигзаг дороги – остатки вражеских сил скрываются за гребнем холма. – Но кто знает, какие полчища поджидают нас наверху? Они перегруппируются и разработают новый план действий. Мы должны сделать то же самое.

– Так точно, сэр. – Мистер Тейт отдает честь и уносится прочь.

Я опираюсь на Анггард, прижимая лицо к ее горячему боку. Хотя глаза у меня закрыты, я все равно вижу в своем Шуме людей, спэклов, сражение, огонь и смерти, смерти, смерти...

– Ты молодец, Тодд, – говорит мэр, подъезжая ко мне. – Правда.

– Это было... – Я умолкаю.

Как? Как это было?

– Я горжусь тобой, – добавляет мэр.

Я поворачиваю к нему ошалевшее лицо.

Мэр смеется:

– *Правда*, горжусь! Ты не запаниковал в критической ситуации, не потерял голову. Твою лошадь ранили, но ты не позволил ей сдаться. А самое главное, Тодд, ты сдержал свое слово.

Я заглядываю в его глаза – черные глаза цвета речных камней.

– Это поступки настоящего мужчины, Тодд.

И он говорит искренне, ему хочется верить.

Но ведь с мэром всегда так, правда?

– Говори что хочешь, – цежу я, – все равно я тебя ненавижу.

Он лишь улыбается:

– Может, сейчас тебе в это не верится, Тодд, но однажды ты поймешь, что именно сегодня стал мужчиной. – Его глаза вспыхивают. – Сегодня ты изменился.

[Виола]

– Кажется, битва в самом деле утихает, – замечает Брэдли, глядя на проекцию.

Зигзагообразная дорога, ведущая к вершине холма и водопада, понемногу пустеет: армия мэра отходит к подножию, а спэклы бегут вверх, оставляя за собой голый склон. Армия Нью-Прентисстауна теперь видна целиком, включая неизвестно откуда взявшиеся пушки и новых солдат, начинающих перегруппировываться у подножия холма: они готовятся к новому бою.

А потом я вижу Тодда.

Я произношу его имя вслух, и Брэдли приближает картинку в том месте, на которое я показываю пальцем. Мое сердце замирает, когда я вижу, как он прижимается к Анггард... но он жив, жив, жив!..

– Это твой друг? – спрашивает Симона.

– Да, – отвечаю я. – Это Тодд, он...

Я умолкаю, потому что к нему подъезжает мэр.

И они разговаривают как ни в чем не бывало.

– А это разве не наш тиран? – уточняет Симона.

– Все сложно, – вздыхаю я.

– Да уж, – протягивает Брэдли. – У нас тоже сложилось такое впечатление.

– Нет, послушайте! – твердо говорю я. – Если вас когда-нибудь одолеют сомнения, если на этой планете вы не будете знать, кому доверять, доверяйте Тодду, ясно? Запомните это!

– Хорошо, – с улыбкой отвечает Брэдли. – Мы запомним.

– Но один вопрос остается, – говорит Симона. – Что нам делать теперь?

– Мы-то думали, что все поселения вымерли, а твои родители пытаются наладить новую жизнь. – Брэдли пристально смотрит на меня. – Вместо этого мы напоролись на диктатора, мятежницу и воинствующих аборигенов.

– Надо посмотреть, насколько велика армия спэклов, – говорю я. – Можешь поднять зонд?

– Ненамного, – отвечает Брэдли, но жмет на дисплей, и зонд поднимается к вершине холма, взлетает чуть выше и...

– О господи...

Рядом потрясенно охает Симона.

В свете двух лун, костров и факелов...

Целое население планеты раскинулось вдоль речного берега – спэклов гораздо, гораздо больше, чем людей, они могут разом захлестнуть и уничтожить весь Нью-Прентисстаун. Нам никогда их не победить.

Их тысячи.

Десятки тысяч.

– Их много, – говорит Брэдли, – зато мы лучше вооружены. Идеальные условия для бесконечной резни.

– Госпожа Койл рассказывала, что давным-давно они заключили со спэклами мир. Может, удастся заключить его еще раз?

– А как же остальные враждующие армии? – спрашивает Симона.

– Скорее враждующие генералы, – усмехаюсь я. – Если отнять у них власть, станет легче.

– Быть может, начнем со встречи с Тоддом? – предлагает Брэдли.

Он вновь жмет на дисплей пульта и возвращает картинку к Тодду и Анггард.

И вдруг Тодд поднимает глаза, глядя прямо в камеру зонда...

Прямо на меня.

Мэр, проследив за его взглядом, тоже поднимает голову.

– Они вспомнили про нас, – говорит Симона и начинает подниматься по ступенькам на корабль. – Сейчас мы подлечим твои лодыжки, Виола, а потом свяжемся с караваном. Правда, я понятия не имею, с чего начать рассказ...

Она скрывается на корабле. Брэдли подходит ближе и легонько стискивает мое плечо:

– Мне так жаль твоих родителей, Виола. Просто словами не передать.

Я смаргиваю выступившие на глазах слезы: плакать хочется не столько от страшных воспоминаний, сколько от бесконечной доброты Брэдли...

И вдруг я вспоминаю, что именно Брэдли сделал мне самый полезный подарок в моей жизни – коробочку для разжигания костров, коробочку, которая рассеивала тьму и грела нас с Тоддом долгими ночами, а потом взорвала мост и спасла нас от верной смерти.

– Оно мерцает, – говорю я.

– Что? – переспрашивает Брэдли, поднимая голову.

– Помнишь, давным-давно, когда мы еще были на корабле, ты попросил меня запомнить, как выглядит ночное небо у костра. Я должна была увидеть его первой. Так вот, оно мерцает.

Брэдли улыбается, вспоминая тот разговор, и делает глубокий вдох.

– А как пахнет свежий воздух, сказка! – говорит он. Ну конечно, он ведь тоже всю жизнь провел на корабле и дышит им впервые. – Не ожидал, что он такой... крепкий.

– Да, здесь вообще много неожиданного.

Брэдли вновь стискивает мое плечо:

– Но мы добрались, Виола! Ты больше не одна.

Я сглатываю ком в горле и смотрю на проекцию:

– Я и не была одна...

Брэдли опять вздыхает и говорит: **Значит, оно мерцает.**

– Если хочешь, можем развести костер, и ты сам увидишь, – предлагаю я.

– Увижу что?

– Ну, как оно мерцает.

Брэдом озадаченно смотрит на меня:

– А... ты все о том же...

– Ну да, ты же сейчас сказал...

О чем это она? – удивляется он.

Но не вслух.

У меня внутри все скручивается в тугий узел.

Нет.

О, нет!

– Ты тоже это слышала? – Он удивленно озирается по сторонам. – Как будто мой голос, но...

Но ведь я не говорил этого вслух, думает он и замирает.

И смотрит на меня.

Виола? – спрашивает он.

Спрашивает в Шуме.

В своем новеньком, только что приобретенном Шуме.

[Тодд]

Я прижимаю компресс к ране Анггарад и жду, пока лекарство проникнет в кровоток. Анггарад все еще молчит, но я продолжаю ее гладить и твердить ее имя.

Лошади не терпят одиночества, и она должна знать, что я рядом.

– Вернись ко мне, Анггарад, – шепчу я ей на ухо, – ну, давай, милая!

Я оглядываюсь на мэра, который разговаривает со своими людьми, и гадаю, как же все могло так получиться.

Мы ведь его разбили. Схватили, связали и *одержали победу*.

А вышло вот что.

Он снова разгуливает на свободе и ведет себя как хозяин положения, как властелин всего клятого мира. Будто ему плевать, что я победил.

Ну да ничего. Один раз мне это удалось – удастся снова.

Я освободил чудовище, чтобы спасти Виолу.

И теперь должен каким-то образом не выпустить из рук поводок.

– Глаз до сих пор там, – замечает он, подходя ближе и указывая на светящуюся точку высоко в небе.

Мэр уверен, что это какой-то зонд. Впервые мы заметили его около часа назад, когда мэр отдавал приказы капитанам: велел разбить лагерь у подножия холма, послать разведчиков наверх, чтобы определить масштаб будущего сражения, и на восток – узнать, что случилось с «Ответом».

На поиски корабля-разведчика никого пока не отправили.

– Зато они нас уже видят, – говорит мэр, все еще глядя на небо. – И если захотят встретиться, то просто придут ко мне, верно?

Мэр медленно обводит взглядом солдат, перестраивающихся перед новым сражением.

– Надо просто слушать голоса, – странным шепотом произносит он.

Воздух вокруг все еще полон Шума солдат, но взгляд мэра наводит на мысль, что он имеет в виду нечто другое.

– Какие еще голоса?

Он удивленно моргает, словно меня тут быть не должно. А потом улыбается и кладет руку на гриву Анггаррад.

– Не трогай! – шиплю я и сверлю его злобным взглядом, пока он не убирает руку.

– Я понимаю твои чувства, Тодд, – мягко говорит он.

– Ничего ты не понимаешь! – огрызаюсь я.

– Понимаю, – настаивает он. – Я помню свой первый бой в первой войне со спэклами. Ты думаешь, что скоро умрешь. Ты думаешь, что ничего ужасней быть не может... и как теперь жить, увидав такое собственными глазами? Как вообще кто-то может после этого жить?

– Убирайся из моей головы!

– Я лишь рассказываю тебе о своих переживаниях, Тодд.

Я ему не отвечаю, только продолжаю твердить на ухо Анггаррад, что я здесь.

– Но скоро все станет хорошо, – говорит мэр. – И твоя лошадь поправится. Война закалит вас обоих. Тебе полегчает.

– Как что-то может стать лучше после такого? Как можно стать настоящим *мужчиной* после такого?

Мэр пригибается ближе:

– Но ведь тебя это захватило, верно?

Я не отвечаю.

(потому что он прав...)

(на секунду я и вправду...)

Но я сразу же вспоминаю того убитого солдата, который перед смертью тянулся Шумом к своему сынишке. Он уже никогда его не увидит...

– Ты был взбудоражен, когда мы загоняли спэклов на холм, – продолжает мэр. – Я все видел. Это чувство горело в твоём Шуме, как пламя. И каждый солдат моей армии чувствовал то же самое, Тодд. Во время сражения мы живы, как никогда.

– А после, как никогда, мертвы.

– О, философствуешь? – Мэр улыбается. – Вот уж не ожидал.

Я отворачиваюсь и снова заговариваю с Анггаррад.

И тут слышу:

Я – КРУГ, КРУГ – ЭТО Я.

Оборачиваюсь и швыряю в него: **ВИОЛА!**

Мэр морщится, но улыбка с лица не сходит.

– Вот именно, Тодд! Я уже говорил: если ты владеешь Шумом, то владеешь собой. А если владеешь собой...

– ...владеешь миром, – заканчиваю я. – Это я уже слышал, не глухой! С меня хватит и первого, спасибо. Мир пусть делает что хочет.

– Все так говорят. Пока сами не окажутся у власти и не попробуют ее на вкус. – Мэр опять поднимает глаза к зонду. – Интересно, друзья Виолы смогут нам рассказать, с какой армией нам предстоит сражаться?

– С огромной, вот какой! – говорю я. – Тебе не по зубам. Там, может, все спэклы планеты собрались! Всех тебе никогда не перебить!

– Пушки против стрел, мой мальчик. – Мэр переводит взгляд на меня. – Ни их распре-
красное новое оружие, стреляющее огнем, ни эти белые жезлы не сравнятся с пушками. А пушек у них нет. И летающих кораблей тоже. – Он кивает на восток. – Так что силы примерно равны.

– Тогда тем более надо положить этому конец.

– Тогда тем более надо сражаться, мой мальчик! На этой планете нет места для двух равных сил.

– Но если мы...

– Нет, – с напором перебивает меня мэр. – Ты же не просто так меня освободил. Ты поставил условие: сделать этот мир безопасным для Виолы.

На это мне нечего ответить.

– Я принял твоё условие, и теперь ты должен предоставить мне свободу действий. Благодаря мне Новый свет станет безопасным для Виолы и для всех нас. Ты позволишь мне это сделать, потому что сам не можешь.

Я вспоминаю, как солдаты беспрекословно выполняли команды мэра и шли на верную смерть, только потому что он им так сказал.

И он прав, я в самом деле на это не способен.

Он мне нужен. Ужасно, но это так.

Я отворачиваюсь, закрываю глаза и прижимаюсь лбом к Анггард.

Я круг, круг – это я.

Владеешь Шумом – владеешь собой.

Но если я контролирую себя, то, может, смогу контролировать и его.

– Может, – кивает мэр. – Я всегда говорил, что в тебе есть сила.

Я смотрю на него.

Он по-прежнему лыбится.

– А сейчас, – говорит он, – дай отдых лошади и отдохни сам.

Мэр принахивается к воздуху, в котором теперь, когда не думаешь о смерти каждую секунду, уже начинает чувствоваться мороз. Потом поднимает глаза на вершину холма: из-за гребня выбивается свет спэчных костров.

– В первом сражении мы победили, Тодд. Но война только начинается.

И Третий

(ВОЗВРАЩЕНЕЦ)

Земля ждет. Я жду вместе с ними.

И *горю* ожиданием.

Ведь мы разбили врага. У подножия их собственного холма, на окраине их собственного города, мы взяли вражескую армию в кольцо. Они были в смятении и почти не могли сопротивляться... Битва подходила к концу. Мы их *разбили*.

Но потом почва вскинулась под ногами и подняла нас в воздух.

Мы отступили. Бросились бежать по завалам и разбитой дороге обратно на вершину, залечивать раны и оплакивать погибших.

Но победа была близка. Так близка, что я успел ощутить ее вкус. Я чувствую его до сих пор, когда смотрю на долину внизу, где люди Бездны разбивают лагерь, залечивают раны и хоронят своих мертвых, небрежно сваливая наших в кучи.

У меня перед глазами – другие кучи, в другом месте.

Я горю от этих воспоминаний.

А потом, сидя на вершине холма, я кое-что замечаю – рядом с тем местом, где река с грохотом падает в нижнюю долину. Огонек, парящий в ночном небе.

Он наблюдает за нами. Наблюдает за Землей.

Я встаю и отправляюсь на поиски Неба.

Я иду по дороге вдоль реки, в глубь нашего лагеря. Свет костров не пускает сюда черноту неба. Над ревущей рекой в воздухе стоит влажная дымка, и из-за горящих костров все вокруг словно бы светится. Земля наблюдает за мной, и я петляю меж ними – лица дружеские, хоть и усталые после битвы, голоса широко открыты.

Небо? – показываю я голосом на ходу. *Где Небо?*

В ответ они показывают мне путь среди костров, замаскированных биваков, кормушек и загонов для бэттлморов...

Бэттлморы, шепчут вокруг – с потрясением и даже отвращением, – потому что это слово не из языка Земли, а из языка врагов, Бездны. Я прикрываю его другим, более громким: *Небо?*

Земля продолжает указывать мне путь.

Но не сомнение ли я слышу в их готовности помочь?

Ведь, в конце концов, кто я такой?

Герой? Спаситель?

Или проигравший? Угроза?

Начало я или конец?

Действительно ли я – Земля?

Если честно, ответов я не знаю.

Но мне продолжают указывать путь, и я петляю по тропам, чувствуя себя листком, плывущим по течению реки, вернее, *над* ним.

Но не с ним.

Земля начинает передавать вперед весть о моем прибытии.

Возвращенец, показывают они другу другу. *Возвращенец идет*.

Так они меня называли. *Возвращенец*.

Но у меня есть и другое имя.

Мне пришлось выучить, как Земля называет все вокруг, извлечь слова из их бессловесного языка, из единого и великого гласа Земли, чтобы научиться его понимать.

Люди не называют нас Землей. Они придумали нам другое имя, которое услышали при первой попытке контакта. Но услышали они неверно, а мы не стали их поправлять. Возможно, оттуда и пошли все беды.

«Бездна» – так мы называем людей, паразитов, которые явились ниоткуда и стали присваивать себе наш мир, убивая Землю тысячами и десятками тысяч. Потом мы заключили соглашение, которое навсегда разделило Землю и Бездну.

Если не считать Землю, которую оставили позади. Землю, по условиям мирного договора поработавшую Бездной. Землю, которую больше не называли Землей, которая сама перестала быть Землей и даже вынуждена была перенять язык Бездны. Эту Землю – позор Земли – стали называть Бременем.

Но потом Бездна уничтожила Бремя. Целиком. За один кровавый полдень.

Еще есть я – Возвращенец. Меня назвали так не только потому, что я единственный из Бремни, кому удалось выжить, но еще и потому, что с моим возвращением Земля после долгих лет мира вернулась на этот холм, заняла позиции и готовилась нанести удар. Нас стало больше, оружие у нас лучше, и Небо тоже лучше.

Все это благодаря Возвращенцу. Мне.

Но мы остановили наступление.

Возвращенец идет, показывает Небо, когда я его нахожу. Он стоит ко мне спиной и показывает это Проводникам, сидящим полукругом перед ним. Еще он показывает послания для остальной Земли, но так быстро, что я не успеваю уловить их смысл.

Возвращенец вспомнит язык Земли, показывает мне Небо, заканчивая общение с Проводниками и поворачиваясь ко мне. Всеу свое время.

Они и так меня понимают, показывая я в ответ, оглядываясь на Землю. Они сами используют эти слова, когда говорят со мной.

Слова Бездны навсегда записаны в памяти Земли, показывает Небо, беря меня за руку и уводя в сторону. Земля не забудет.

Но про нас вы забыли, показывая я с жаром, который не могу подавить. Мы вас ждали. До самой последней минуты.

И Земля пришла, отвечает Небо.

А потом отступила, с еще большим жаром показывая я. Земля сидит на холме, когда могла бы уничтожить Бездну – прямо сейчас, этой самой ночью. Нас больше. Даже их новое оружие не...

Ты молод, показывает мне Небо. Ты видел много, слишком много, но пока не помудрел. Ты никогда не жил вместе с Землей. Сердце Земли обливается кровью из-за того, что мы не успели спасти Бремя...

Я перебиваю его: неслыханная для Земли дерзость.

Да вы даже не знали...

И Земля ликует, что Возвращенцу удалось спастись, продолжает он, словно я ничего ему не показывал. Земля ликует, что кровь Бремни будет отомщена.

Что-то я не вижу вашей мести!

В мой голос прорываются воспоминания, и лишь теперь, когда боль переполняет меня, когда я не могу говорить языком Бремни, лишь *теперь* я начинаю говорить истинным языком Земли – бессловесным и мощным, как бурный поток. Я не могу сдержать этого горя и все показываю и показываю Небу, как жестоко обращалась с нами Бездна, как они пытались *лечить* наши голоса, словно заразу, как Бремя умирало от рук Бездны, от их пуль и клинков, как наши тела сваливали в кучи...

И была еще одна, самая горькая потеря...

Небо показывает мне утешение – ему вторит вся Земля, и вот я уже плаваю в голосах, пытающихся приласкать и успокоить мой. Никогда еще я не чувствовал себя настолько причастным, настолько нужным и важным. Я наконец-то дома, мой голос сливается с единым гласом Земли...

Но потом, проморгавшись, я понимаю, что такое случается со мной лишь в моменты невыносимой боли.

Это пройдет, показывает Небо. Ты повзрослеешь и залечишь раны. Тебе станет проще находиться среди Земли...

Мне станет проще, показываю я, только когда Бездна исчезнет.

Ты говоришь на языке Бремни, показывает он. Он же язык Бездны, язык людей, с которыми мы воюем, и пусть мы бесконечно рады твоему возвращению к Земле, в первую очередь ты должен запомнить – говорю это понятным для тебя языком, – что нет никакого я и ты. Есть лишь Земля.

На это мне нечего ответить.

Зачем ты искал Небо? – наконец спрашивает он.

Я заглядываю в его глаза – небольшие для Земли, но куда больше отвратительных глазок Бездны, мелких и подлых, постоянно что-то скрывающих. В глазах Неба отражаются луны, костры и я.

Я понимаю: он ждет.

Ведь я прожил с Бездной всю жизнь и многому у них научился.

Включая то, как прятать мысли за другими мыслями, как скрывать свои чувства. Как расслаивать голос, чтобы его было сложнее прочесть.

Поэтому я и не могу полностью слиться с единым голосом Земли.

Пока не могу.

Я выжидаю еще немного, а потом раскрываю свой голос, показывая Небу парящий над холмом огонек и свои подозрения. Он тотчас все понимает.

Маленькое воздушное судно – как то, что пролетело над Землей, когда мы сюда шли. Только гораздо меньше, показывает он.

Да, показываю я и вспоминаю, как сначала высоко в черноте загорелись огоньки, а потом над дорогой пронеслась огромная машина – так высоко, что казалась сплошным звуком.

Земля должна ответить, показывает Небо, снова берет меня за руку и ведет обратно к гребню холма.

Пока Небо наблюдает за огоньком, я окидываю взором Бездну, расположившуюся внизу на ночлег. Я вглядываюсь в их крошечные лица на коротеньких тельцах нездорового розового цвета.

Небо знает, кого я ищу.

Ты ищешь его, показывает он. Ты ищешь Ножа.

Я видел его во время битвы. Но я был слишком далеко.

Это для твоего же блага, показывает Небо.

Он мой...

Но тут я замираю.

Я вижу его.

Посреди вражеского лагеря стоит он, стоит и обнимает вьючное животное – лошадь, если говорить языком врага, – и разговаривает с ней. Несомненно, его переполняют чувства и страшная боль от всего увиденного.

Как ни странно, это главная причина ненависти Возвращенца к Ножу, замечает Небо.

Он хуже остальных, показываю я. Хуже всей Бездны.

Только потому...

Потому что он знал, что творит. Страдал из-за своих поступков...

Но все равно поступал дурно, заканчивает Небо.

Остальные ничем не отличаются от вьючных животных, показываю я, а он все понимал и ничего не предпринял – это хуже всего.

Нож освободил Возвращенца, напоминает Небо.

Он мог меня убить. Он ведь уже убил одного из Земли – ножом, который до сих пор не покидает его голос. Но он трус и не смог оказать Возвращенцу даже такой услуги.

Если бы он тебя убил, показывает Небо, заставляя меня посмотреть ему в глаза, Земля бы сюда не пришла.

Да, показываю я, а теперь вот пришла и ничего не делает. Мы ждем и наблюдаем, вместо того чтобы воевать.

Ожидание и наблюдение – тоже война. С тех пор, как мы заключили договор, Бездна стала сильнее. Их солдаты и оружие стали беспощадней.

Но Земля тоже беспощадна! – показываю я. Разве нет?

Небо долго не отпускает моего взгляда, а потом отворачивается и начинает говорить голосом Земли, передавая послание от одного к другому, пока оно не достигает той, что стоит с натянутым луком и горящей стрелой в руках. Она прицеливается и выпускает стрелу в ночь.

Вся Земля следит за полетом – своими глазами или через голоса других, – пока стрела не попадает ровно в парящий огонек. Тот по спирали летит вниз и гаснет в реке.

Сегодня было одно сражение, показывает мне Небо. Из лагеря Бездны доносятся негромкие крики. Но война состоит из многих.

Затем он берет меня за руку – ту, на которой я нарастил густой лишайник, ту, что болит, ту, что никогда не заживет. Я отдергиваю ее, но он берет снова, и на сей раз я позволяю его длинным белым пальцам скользнуть по запястью и осторожно приподнять лишайник.

Мы не забудем, зачем пришли, показывает Небо.

Его слова – если говорить языком Бремни, языком, которого так чурается Земля, – его слова расходятся по лагерю, и вот я уже слышу слившиеся воедино голоса.

Вся Земля вторит: *Мы не забудем.*

В голосе Неба они видят мою руку.

Они видят железный обруч с надписью на языке Бездны.

Они видят вечную метку, навсегда сделавшую меня чужаком.

1017.

Еще один шанс

Затишье

[Виола]

Паника и ужас в Шуме Брэдли невыносимы.

Громко...

Боже, как громко...

Симона с Виолой смотрят на меня, как на умирающего...

Я умираю?

Высадились посреди войны...

55 дней до прибытия каравана...

Может, полететь в другое место?

55 дней до того, как здесь появятся нормальные лекарства...

55 дней ждать смерти...

Я умираю?

– Ты не умираешь, – говорю я, лежа на койке, пока Симона вкалывает мне лекарство для сращивания костей. – Брэдли...

– Нет. – Он вскидывает руки, останавливая меня. – Я чувствую себя таким...

Голым, голым, голым...

– Словами не передать, каким голым я себя чувствую.

Симона устроила в спальном отсеке разведчика импровизированную палату. Я лежу на одной койке, Брэдли на другой, его глаза широко распахнуты, руками он зажимает уши, а Шум становится все громче и громче...

– Он точно здоров? – напряженно шепчет Симона, начиная перевязывать мне лодыжки.

– Я только знаю, что мужчины в конце концов привыкли и что...

– ...было лекарство, – перебивает меня она. – Но мэр уничтожил все запасы.

Я киваю.

– Главное, что оно существует. Это вселяет надежду. *Хватит обо мне шептаться*, звучит в Шуме Брэдли.

– Прости, – говорю я вслух.

– За что? – переспрашивает он, но тут же все понимает. – Вы не могли бы оставить меня одного, хотя бы ненадолго? – просит он.

А в его Шуме: *Черт, убирайтесь отсюда и дайте мне спокойно подумать!*

– Я только закончу с Виолой. – Голос у Симоны по-прежнему дрожит, и она старается не смотреть на Брэдли, оборачивая целебный пластырь вокруг моей лодыжки.

– Можешь прихватить еще один? – тихо спрашиваю я.

– Зачем?

– Скажу на улице, не хочу больше его расстраивать.

Она бросает на меня подозрительный взгляд, но достает из ящика еще один пластырь, и мы выбираемся на улицу. Шум Брэдли заполняет отсек доверху, от стенки до стенки.

– Я все же не понимаю, – говорит Симона на ходу. – Я вроде бы слышу этот Шум ушами... И не только слышу, но и вижу. Какие-то картинки, образы...

Она права, Брэдли уже начал показывать картинки: они могут появляться в голове, а могут висеть в воздухе перед глазами...

На этих картинках сначала мы, стоящие в дверях, и он сам на койке...

Потом – проекция битвы и что случилось, когда горящая стрела спэклов угодила в зонд...

Потом – виды на мониторах корабля-разведчика, когда он спускался с орбиты: огромный синевато-зеленый океан, бескрайние леса и река, вдоль которой маршировала, полностью сливаясь с берегом, незримая армия спэклов...

А потом...

Симона...

Симона и Брэдли вместе...

– Брэдли! – в ужасе восклицает она, пятясь.

– Прошу вас! – кричит он. – Оставьте меня в покое! Это невыносимо!

Я тоже слегка ошарашена: картинки, на которых Брэдли и Симона вместе, очень четкие, и чем усерднее Брэдли пытается их прогнать, тем яснее и отчетливей они становятся. Я хватаю Симону за руку и тащу прочь, захлопывая за нами дверь люка, – толку от этого почти никакого, все равно что пытаться заглушить громкий крик.

Мы выбегаем на улицу.

Жеребенок? – спрашивает Желудь, выходя из зарослей, в которых он пасся.

– И у животных Шум! – восклицает Симона. – Да что это такое?!

– Информация, – говорю я, вспоминая слова Бена. Однажды – кажется, что это было давным-давно, – он рассказал нам с Тоддом, каково пришлось первым переселенцам, высадившимся на Новом свете. – Бесконечный поток информации, который невозможно остановить, как бы ни хотелось.

– Брэдли так напуган, – дрогнувшим голосом произносит Симона. – Но его мысли, господи...

Она отворачивается, а мне неловко спросить, правду мы видели в Шуме Брэдли или только его фантазии.

– Он все тот же Брэдли, – говорю я. – Помни об этом. Представь, что все вокруг увидели бы твои сокровенные мысли?

Она со вздохом поднимает глаза к двум лунам.

– На кораблях каравана две тысячи мужчин, Виола. Две тысячи. Что произойдет, когда мы разбудим всех?

– Они привыкнут, – отвечаю я. – Со временем все мужчины привыкают.

Симона фыркает сквозь слезы:

– А женщины?

– Ну, с этим тут определенные проблемы.

Она снова качает головой, а потом замечает пластырь в своей руке:

– Так для чего он?

Я прикусываю губу.

– Только не падай в обморок.

Я медленно задираю рукав кофты и показываю ей железный обруч. Кожа вокруг опухла и покраснела еще сильнее, чем раньше. В свете двух лун ясно виден мой номер: 1391.

– О, Виола! – едва слышно выдавливает Симона. – Это дело рук того негодяя?

– Не совсем. Он сделал это со всеми остальными женщинами, но не со мной, – отвечаю я и откашливаюсь. – Обруч я надела сама.

– Сама?!

– На то была веская причина. Слушай, позже объясню, а сейчас мне бы совсем не помешал пластырь.

Симона немного выжидает, а потом, не сводя с меня взгляда, осторожно оборачивает пластырь вокруг моей руки. Приятная прохлада тотчас снимает боль.

– Милая... – с такой невыносимой нежностью в голосе спрашивает Симона, что я отворачиваюсь, – у тебя точно все нормально?

Я кое-как выдавливаю улыбку, чтобы хоть немного ее успокоить.

– Я столько всего должна тебе рассказать.

– Да уж, – говорит Симона, затягивая бинт. – Может, начнешь?

Я качаю головой:

– Не могу. Мне надо найти Тодда.

Симона хмурит лоб:

– Что? Сейчас? – Она распрямляет плечи. – Только не говори, что полезешь в это пекло!

– Сражение закончилось, мы же видели своими глазами.

– Мы видели, как две огромные армии разбили лагерь друг против друга, а потом кто-то подстрелил наш зонд! Нет уж, я тебя туда не пущу.

– Там Тодд, – говорю я. – Я еду за ним.

– Не едешь! Как командир корабля, я тебе запрещаю, и точка.

Я моргаю:

– Запрещаешь?

У меня в груди начинает подниматься удивленный гнев.

Симона видит выражение моего лица и смягчается:

– Виола, ты очень многое пережила за последние пять месяцев, но теперь мы с тобой. Я слишком люблю тебя и не могу подвергать такому риску. Ты не поедешь. Я не позволю.

– Если мы хотим мира, войну надо остановить, – твердо говорю я. – Как можно скорее!

– И вы с другом сделаете это вдвоем? – удивляется Симона.

Тогда гнев вспыхивает во мне с новой силой, но я пытаюсь напомнить себе, что она ничего не знает: не знает, сколько всего мы с Тоддом пережили и добились вдвоем, не знает, что все запреты «взрослых» остались для меня в далеком-далеком прошлом.

Я хватаю поводья, и Желудь опускается на колени.

– Виола, нет! – вскрикивает Симона, бросаясь ко мне.

Сдавайся! – испуганно вопит Желудь.

Симона от неожиданности пятится. Я перекидываю через седло еще больную, но уже заживающую ногу.

– Больше мне никто не указ, Симона, – тихо и как можно спокойней говорю я, невольно поражаясь своему властному голосу. – Будь мои родители живы, возможно, все было бы иначе. Но их нет.

Симона как будто хочет подойти, но всерьез опасается Желудя.

– Да, твоих родителей нет в живых, но ты не меньше дорога и другим людям.

– Пожалуйста, – говорю я. – Ты должна мне доверять.

Она смотрит на меня с грустью и досадой:

– Ты слишком рано повзрослела...

– Может быть. Но меня никто не спрашивал.

Желудь встает и уже хочет тронуться в путь.

– Я постараюсь вернуться как можно скорее.

– Виола...

– Я должна отыскать Тодда, этим все сказано. Госпожу Койл тоже надо найти, пока она не взялась за старое.

– Давай я поеду с тобой!

– Брэдли ты нужна больше, чем мне. Как бы тебя ни расстраивали его мысли, ты ему нужна.

– Виола...

– Думаешь, мне самой хочется лезть в пекло? – чуть мягче спрашиваю я, пытаюсь таким образом извиниться. Меня постепенно охватывает страх. Я оглядываюсь на корабль: – Нельзя послать за мной еще один зонд?

Симона на минуту погружается в раздумья, а потом говорит:

– Есть идея получше.

[Тодд]

– В близлежащих домах удалось добыть одеяла, – отчитывается мистер О'Хара перед мэром. – И провизию. Скоро все будет доставлено в лагерь.

– Спасибо, капитан, – говорит мэр. – Не забудьте хорошенько накормить Тодда.

Мистер О'Хара резко поднимает глаза:

– Провизии крайне мало, сэр...

– Накормите Тодда, – перебивает его мэр. – И про одеяло не забудьте. Холодает.

Вздыхнув, мистер О'Хара с досадой чеканит:

– *Так точно, сэр.*

– И для моей лошади тоже одеяло прихватите, – добавляю я.

Мистер О'Хара переводит на меня злобный взгляд.

– Вы все слышали, капитан, – говорит мэр.

Тот кивает и в ярости уносится прочь.

Солдаты мэра расчистили для нас небольшую площадку на краю лагеря. Здесь есть костер, пара скамеек вокруг и несколько палаток для мэра и офицеров. Я сижу в стороне, но не очень далеко – не спускаю с мэра глаз. Ангаррад стоит рядом, по-прежнему свесив голову к земле, и молчит. Я без остановки глажу ее по гриве и бокам, но она не произносит ни слова – ни единого словечка.

Мы с мэром тоже не особо разговариваем. Доклады следуют один за другим: мистер Тейт и мистер О'Хара отчитываются то об одном, то о другом. Да и простые солдаты заглядывают робко поздравить мэра с победой, хотя именно он устроил весь этот кошмар.

Я прижимаюсь к Ангаррад.

– Что мне теперь делать, милая? – шепчу я.

Ну правда, что мне теперь делать? Я освободил мэра, и вот он уже выиграл первое сражение, чтобы сделать этот мир безопасным для Виолы, то есть в точности выполняя мои условия.

Но сейчас вокруг нас целая армия, готовая умирать по одному его слову. Подумаешь, я сильнее мэра и могу его побить! Эти люди не дадут мне даже попытаться.

– Господин президент? – К нам подходит мистер Тейт с белым жезлом в руке. – Поступил первый отчет о вражеском оружии.

– Докладывайте, капитан! – с любопытством восклицает мэр.

– Это что-то вроде ружья, стреляющего кислотой, – начинает мистер Тейт. – Вот здесь расположена камера, заполненная смесью из двух веществ – вероятно, растительного происхождения. – Он подносит руку к отверстию в белом жезле. – Порция аэрозолируется и смешивается с третьим веществом, а потом, – мистер Тейт указывает на конец жезла, – выстреливает отсюда, превращаясь в пар, но при этом сохраняя цельность до попадания в цель, где...

– ...где едкая кислота разом отнимает у жертвы руку или ногу, – заканчивает за него мэр. – Я потрясен скоростью работы ваших химиков, капитан.

– У них был стимул работать быстро, сэр, – с неприятной ухмылкой отвечает мистер Тейт.

Потом он уходит, а я спрашиваю мэра:

– И как это понимать?

– Разве ты не учил химию в школе?

– Ты закрыл школу и сжег все учебники.

– Ах да, точно. – Мэр смотрит на вершину холма, где в свете костров вражеской армии сияет влажная дымка от водопада. – Раньше спэклы занимались только охотой и собирательством. Некоторые вели примитивное сельское хозяйство. Ученых среди них не было.

– И это значит?..

– Это значит, что тринадцать лет подряд враг подслушивал нас и учился у нас. В мире информации такое вполне возможно. – Он постукивает себя пальцем по подбородку. – Интересно, *как* они учатся. Ведь каждый из них – часть некоего общего разума.

– Не перебей ты всех до единого, можно было бы просто *спросить*.

Мэр пропускает мои слова мимо ушей:

– Все это только подтверждает, что наш враг стал сильнее и опаснее.

Я хмурюсь:

– А ты как будто рад.

К нам подходит капитан О'Хара с охапкой одеял и жутко кислой миной:

– Одеяла и еда, сэр, – говорит он.

Мэр кивает на меня, вынуждая мистера О'Хару лично вручить мне вещи. Сделав это, он тотчас убегает. Как и у мистера Тейта, Шума у него нет, но догадаться, что его взбесило, проще простого.

Я накрываю одеялом Анггард, но она по-прежнему молчит. Ее рана почти зажила, так что дело не в этом. Она просто стоит с опущенной головой и смотрит в землю – не ест, не пьет, никак не реагирует на мои действия.

– Ты бы отвел ее к другим лошадям, Тодд, – предлагает мэр. – Там ей хотя бы будет теплее.

– Ей нужен я. Не могу я ее бросить.

Он кивает:

– Твоя преданность достойна восхищения. Еще одно твое достоинство, которое я всегда признавал и ценил.

– Зная, что сам его начисто лишен?

В ответ мэр только лыбится и лыбится – эх, с удовольствием оторвал бы ему башку!

– Тебе лучше поесть и хорошенько выспаться, Тодд. На войне никогда не знаешь, когда понадобится.

– На войне, которую развязал ты! Нас бы вообще тут не было, если б...

– Снова за свое, – уже резче перебивает меня мэр. – Хватит ныть о том, что могло быть, лучше подумай о том, что *есть*.

Тут я не выдерживаю...

Смотрю на него...

И думаю о том, что есть.

Как он рухнул на груды обломков, не выдержав моих ударов Виолиным именем. Как он, глазом не моргнув, пристрелил родного сына...

– Тодд...

Как он молча наблюдал за страданиями умирающей Виолы на Арене вопросов. Как моя ма расхваливала его в своем дневнике и как он потом обошелся с женщинами Прентис-стауна...

– Это неправда, Тодд, – говорит он. – Все было не так...

Я думаю о двух мужчинах, которые меня воспитали, которые меня *любили*, и как Киллиан пожертвовал своей жизнью, чтобы я успел сбежать, а потом и Бен сделал то же самое, и его пристрелил Дейви. Думаю о Манчи, моем верном и храбром псе, который умер, спасая меня...

– Я тут ни при чем...

Думаю о падении Фарбранча. О людях, которые умирали на глазах мэра. Думаю о...

Я – КРУГ, КРУГ – ЭТО Я.

Мэр швыряет эти слова прямо мне в голову – с размаху.

– *Не смей!* – ору я.

– Ты слишком разбрасываешься, Тодд Хьюитт, – обрывает меня он, в кои-то веки разозлившись. – Как ты намерен вести за собой людей, если у тебя вся душа нараспашку?

– Да никого я вести не собираюсь! – выплевываю я в ответ.

– Но ведь ты хотел возглавить армию, когда связал меня на руинах собора? Этот миг настанет снова, и ты должен быть максимально собран. Надеюсь, ты не забросил упражнения, которым я тебя учил?

– Не стану я у тебя учиться!

– О, но ты уже учишься. – Мэр подходит ближе. – Я буду повторять это до тех пор, пока ты не согласишься: в тебе есть сила, Тодд Хьюитт, сила, которая могла бы подчинить себе всю планету.

– И *тебя*.

Он снова улыбается, хотя я почти довел его до белого каления.

– А знаешь, как я заглушил свой Шум? – спрашивает мэр. – Как я научился не выставлять напоказ все свои секреты?

– Нет...

Он наклоняется ближе:

– Это совсем не трудно.

– А ну пошел вон! – кричу я, но...

Мэр уже пробрался мне в голову: Я – КРУГ, КРУГ – ЭТО Я.

На сей раз эти слова звучат иначе...

В них такая легкость...

Аж дух захватывает...

От их невесомости внутри все поднимается...

– Я сделаю тебе подарок. – Голос мэра парит у меня в голове, точно горящее облако. – Я сделал его всем своим капитанам. Используй его. Используй, чтобы сокрушить меня. Я бросаю тебе вызов.

Я смотрю в его глаза, в их черноту, которая проглатывает меня целиком...

Я – КРУГ, КРУГ – ЭТО Я.

И кроме этих слов, в целом мире больше ничего нет.

[Виола]

Мы с Желудем мчимся по зловеще тихому городу, местами в нем нет даже Шума – жители Нью-Прентисстауна разбежались кто куда. Представить не могу, как им страшно – не понимать, что происходит, не знать, что будет дальше.

Мы проезжаем по пустой площади перед руинами собора, и я оглядываюсь. Высоко в небе над уцелевшей колокольной мерцает второй зонд – он держится подальше от огненных стрел спэклов и внимательно следит за мной.

Но это еще не все.

Мы с Желудем вылетаем с площади и мчимся по дороге к полю боя, с каждой секундой все ближе и ближе к армии. Я уже вижу их лагерь. Солдаты жмутся к кострам и друг другу, а в следующий миг поднимают на меня усталые и потрясенные глаза, как будто привидение увидели.

– Ой, Желудь, – шепчу я. – На этот случай у меня плана нет.

Один из солдат встает и направляет на меня винтовку:

– Стоять!

Он совсем молодой, волосы грязные, на лице свежая рана, наспех зашитая в свете костров.

– Я пришла поговорить с мэром, – как можно спокойней произношу я.

– С кем?

– Это еще кто? – спрашивает его второй солдат, тоже молоденький – может, ровесник Тодда.

– Да террористка, кто же еще! – отвечает первый. – Хочет бомбу подложить!

– Я не террористка, – говорю я, вглядываясь в темноту поверх их голов и пытаюсь рассмотреть Тодда, услышать его Шум в поднимающемся **РЁВЕ**...

– А ну слезай с коня! – приказывает мне первый солдат. – Живо!

– Меня зовут Виола Ид, – говорю я. Желудь подо мной нервно переступает с ноги на ногу. – Мэр, ваш президент, хорошо меня знает.

– Да мне плевать, как тебя зовут, – отвечает первый солдат. – Слезай!

Жеребенок, предостерегает меня Желудь.

– Слезай, говорю!

Я слышу щелчок затвора и начинаю вопить:

– Тодд!

– Последний раз предупреждаю! – говорит тот же солдат, и остальные тоже вскакивают.

– ТОДД!

Второй хватает поводья Желудя, со всех сторон подступают еще солдаты.

Сдавайся! – скалится Желудь, но его бьют винтовкой по голове...

– ТОДД!

Меня хватают чьи-то руки, а Желудь все ржет – **Сдавайся! Сдавайся!** – но солдаты тащат меня вниз, и я держусь из последних сил...

– Отпустите ее. – Мужской голос насквозь прорезает поднявшийся вокруг гвалт. Спокойный и негромкий голос.

Солдаты мигом меня отпускают, а я выпрямляюсь в седле.

– Добро пожаловать, Виола, – говорит мэр, вставая передо мной.

– Где Тодд? – спрашиваю я. – Что вы с ним сделали?!

И тут я слышу его голос:

– Виола?

...Он идет сразу за мэром, грубо толкая его в плечо и освобождая себе дорогу; глаза ошалело сверкают, но это он...

– Виола!

Он тянется ко мне и улыбается, я тоже тянусь...

Но на долю секунды успеваю заметить что-то странное в его Шуме, что-то неуловимое...

В следующий миг меня захлестывает океан чувств, и вот он, мой Тодд, обнимает меня и твердит:

– Виола, Виола!

[Тодд]

– А потом Симона сказала: «Есть идея получше». – Виола открывает сумку и достает две плоские железные штуковины, похожие на каменные «блинчики» – гладкие и округлые, они идеально ложатся в ладонь. – Это коммы. Мы теперь можем разговаривать, как бы далеко друг от друга ни находились.

Она протягивает руку и кладет один комм в мою ладонь...

... ее пальцы касаются моих, и снова меня охватывает неудержимая радость и облегчение – наконец-то я ее вижу, наконец-то она *здесь*, рядом, хотя от ее тишины по-прежнему щемит сердце, и смотрит она как-то странно...

Смотрит в мой Шум.

Я – круг, круг – это я. Он вложил эти слова в мою голову, легкие и неуловимые. Сказал, это такая специальная «техника», чтобы научиться молчать, как он сам и остальные капитаны.

И тогда мне показалось, всего на минуту...

– Комм первый, – говорит она в свой комм, и тотчас мой железный кругляш вспыхивает, показывая мне улыбающееся лицо Виолы.

Она прямо у меня на ладони!

Виола со смехом показывает мне свой экран, и я вижу на нем собственную удивленную рожу.

– Сигнал передается через зонд, – говорит она, показывая в небо над городом, где висит крошечный огонек. – Симона не подпустит его ближе, так что от огненных стрел он не пострадает.

– Отлично придумано, – говорит стоящий неподалеку мэр. – Можно взглянуть?

– Нет, – отвечает Виола, даже не глядя на него. – А если нажать сюда, – продолжает она, нажимая на край своего комма, – можно выйти на связь с кораблем. Симона?

– Я тут, – говорит женщина, лицо которой появляется на экране моего комма рядом с Виолиным. – Как ты? Я уже начала беспокоиться...

– Все хорошо, – отвечает Виола. – Я нашла Тодда, мы вместе. Вот, кстати, и он.

– Приятно познакомиться, Тодд, – говорит женщина.

– Э... Здрасьте...

– Я вернусь, как только смогу, – говорит ей Виола.

– Хорошо, я за тобой присматриваю. Тодд?

– Что? – спрашиваю я, глядя на маленькое лицо Симоны у меня на ладони.

– Не давай ее в обиду, слышишь, Тодд?

– Не волнуйтесь, – отвечаю я.

Виола снова нажимает на свой комм, и лица исчезают. Она глубоко вздыхает и устало улыбается:

– Стоило оставить тебя на пять минут, как ты тут же помчался *воевать*?!

Она говорит это шутливым тоном, но мне кажется...

Мне кажется, что после всех этих ужасов и смертей я стал воспринимать ее чуть-чуть иначе. Она теперь какая-то... *настоящая*, она *здесь*, и то, что мы оба живы, самое необыкновенное чудо на свете. В груди у меня все сжимается, и я думаю: *Вот она, прямо передо мной, моя Виола, она пришла за мной, она здесь...*

Я замечаю в себе нестерпимое желание снова взять ее за руку и больше никогда не отпускать, чувствовать тепло ее кожи, крепко стискивать ладонь и...

– Шум у тебя какой-то странный, – говорит она, пристально глядя на меня. – Размытый. Я вижу все чувства... – Она отворачивается, и мои щеки тотчас вспыхивают – с чего бы? – но прочесть толком ничего не могу.

Я уже открываю рот, чтобы рассказать Виоле о мэре, о том, как я на секунду вырубился, а потом мой Шум стал легче и тише...

Я уже собираюсь все это сказать...

Но тут Виола наклоняется ближе и шепчет:

– Это как с твоей лошадью?

Виола тоже заметила, что Анггард все время молчит. Когда они подъехали, Желудю не удалось выжать из нее даже приветствия.

– Вы так притихли из-за того, что видели на войне? – спрашивает Виола.

От ее слов я мысленно возвращаюсь к сражению – во всех его кошмарных подробностях. И хотя Шум у меня размытый, Виола, похоже, понимает мои чувства, потому что берет меня за руку и излучает такую заботу и покой, что мне хочется свернуться клубочком, прижаться к ней и плакать всю оставшуюся жизнь. На глазах выступают слезы. Заметив их, она произносит мое имя, вкладывая в него всю свою доброту и нежность, так что мне приходится снова прятать глаза. В итоге мы оба взглядываем на мэра, который стоит по другую сторону костра и внимательно наблюдает за нами.

Виола вздыхает.

– Зачем ты его *отпустил*, Тодд? – шепотом спрашивает она.

– У меня не было выбора. Спэклы шли на город, а воевать под моим командованием армия ни за что бы не согласилась.

– Но ведь спэклы в первую очередь пришли за ним. Они напали из-за геноцида, который он устроил.

– Вот уж не уверен, – говорю я и впервые позволяю себе вспомнить про 1017-го, как я в гневе сломал ему руку, а потом вытащил из груды трупов и отпустил. Что бы я ни делал, он все равно желал мне только смерти. Я смотрю на Виолу: – Как нам теперь быть, Виола?

– Мы должны остановить войну, – отвечает она. – Госпожа Койл сказала, что давным-давно люди и спэклы заключили мирный договор. Надо попробовать снова его заключить. Может, Брэдли и Симона смогут с ними поговорить и объяснить, что на самом деле мы хорошие.

– А вдруг спэклы нападут раньше? – Мы снова переводим взгляд на мэра, и тот кивает. – Придется отбивать атаку, а для этого нам нужен он.

Виола хмурится:

– То есть он опять не получит по заслугам. Потому что без него нам никак не справиться.

– Армия пойдет только за ним. Меня они не послушают.

– А он тебя слушает?

Я вздыхаю:

– Ну да, такой был уговор. Пока он его не нарушил.

– Пока, – тихо добавляет Виола. А потом зевает и трет глаза кулаками. – Даже не помню, когда я последний раз спала.

Я опускаю глаза на свою пустую ладонь и вспоминаю, что она сказала Симоне.

– Так ты возвращаешься на корабль? – спрашиваю я.

– Придется, – кивает Виола. – Я должна найти госпожу Койл, пока она не подлила масла в огонь.

Я вздыхаю:

– Ладно. Только помни мои слова. Я тебя не брошу. Даже в мыслях.

И тогда Виола снова берет меня за руку и ничего не говорит, да ей и не надо говорить, потому что я знаю, *знаю* ее, а она знает меня, и мы просто сидим молча несколько минут. Но ничего не поделаешь: ей пора уходить. Она кое-как поднимается на ноги. Желудь напоследок тычется мордой в Анггарад и подходит к Виоле.

– Буду держать тебя в курсе дел, – говорит она, показывая мне комм. – И вернусь, как только смогу.

– Виола? – обращается к ней мэр, подходя ближе.

Она закатывает глаза:

– *Что?*

– Я только хотел попросить, – говорит мэр таким тоном, словно зашел к соседям взять сахару, – будь так добра, передай людям на корабле, что я готов встретиться с ними в любое время, когда им будет удобно.

– Ага, передам, уж не сомневайся, – отвечает Виола. – И вот что я тебе скажу. – Она показывает пальцем на огонек, висящий высоко в небе. – Мы за тобой следим. Тронешь Тодда хоть пальцем – я разнесу твою армию ко всем чертям. На корабле есть мощное оружие, имей в виду.

Клянусь, улыбка мэра становится еще шире.

Виола напоследок бросает на него долгий грозный взгляд и отправляется в путь – обратно в город, а оттуда на поиски госпожи Койл и ее армии.

– Боевая девчушка, – говорит мэр.

– Я не разрешаю тебе о ней говорить, ясно? Не смей даже!

Он пропускает мои слова мимо ушей:

– Уже почти рассвело. Тебе надо отдохнуть. День был тяжелый.

– И надеюсь, он не повторится.

– Это уже не в нашей власти.

– А вот и в нашей! – После слов Виолы я и сам поверил, что выход есть. – Мы заключим со спэклами второй мирный договор. До тех пор армии надо только сдерживать их наступление.

– Неужели? – удивленно переспрашивает мэр.

– Да! – упрямо отвечаю я.

– Так дела не делаются, Тодд. Они не станут с тобой разговаривать, пока чувствуют себя сильнее. Зачем им мир, если они легко могут нас уничтожить?

– Но...

– Не волнуйся, Тодд. Я уже был на этой войне. Я знаю, как одержать в ней победу. Сперва надо доказать врагу, что можешь его разбить, и вот тогда он пойдет на любой мирный договор.

Я пытаюсь возразить, но потом понимаю, что у меня нет сил спорить. Я тоже не помню, когда последний раз спал.

– А знаешь что, Тодд? – говорит мне мэр. – Твой Шум стал гораздо тише, клянусь!

И...

Я – КРУГ, КРУГ – ЭТО Я.

Он посылает эти слова мне в голову, и я снова становлюсь невесомым...

От этого чувства Шум как будто исчезает...

От чувства, о котором я так и не рассказал Виоле...

(потому что кошмары войны тоже улечиваются, и мне больше не нужно без конца прокручивать их у себя в голове...)

(но за этой легкостью вроде бы слышится что-то еще...)

(тихий гул...)

– Убирайся из моей головы! – говорю я. – Предупреждал же, если ты еще раз попытаешься мною управлять...

– Я и не лез в твою голову, Тодд, – говорит мэр. – В этом вся прелесть. Ты сам это делаешь. Надо только потренироваться. Считай, это подарок.

– Не нужны мне твои подарки!

– Ну конечно, – улыбается он.

– Господин Президент! – снова перебивает нас мистер Тейт.

– А... капитан! Ну что, получили первые сведения от разведчиков?

– Пока нет, – отвечает мистер Тейт. – Ждем их сразу после рассвета.

– Тогда-то нам и доложат, что лишь небольшое движение замечено на севере, у берега реки, которая слишком широка и глубока для перехода вброд, а также на юге, вдоль цепочки холмов – они слишком далеко и эффективно атаковать оттуда невозможно. – Мэр поднимает глаза на вершину холма. – Нет, они ударят с запада. В этом я не сомневаюсь.

– Я пришел не поэтому, сэр. – Мистер Тейт поднимает в воздух стопку аккуратно сложенной одежды. – Непросто было отыскать ее в завалах собора, но она оказалась почти нетронутой.

– Отлично, капитан! – с неподдельным удовольствием в голосе говорит мэр, забирая у него стопку. – Просто великолепно.

– Что это? – спрашиваю я.

Ловким движением мэр встряхивает и разворачивает одежду: ладно скроенный бушлат и брюки такого же цвета.

– Моя генеральская форма! – объявляет он.

Я, мистер Тейт и все сидящие у ближайших костров солдаты наблюдаем, как он снимает свою старую, забрызганную кровью, насквозь пропыленную форму и надевает новенькую – темно-синюю с золотистыми полосками на рукавах. Разгладив ее, он поднимает на меня сверкающие глаза:

– Так начнем же битву за мир!

[Виола]

Мы с Желудем въезжаем в город и пересекаем главную площадь. Небо вдалеке чуть розовеет: скоро рассвет.

Я до последней минуты не спускала с Тодда взгляда. Непокойно мне за него... Что-то не так с его Шумом. Даже когда я уезжала, он все еще был размыт: подробностей не разглядишь, только яркие пятна чувств.

(...но даже этих пятен хватало, чтобы все понять, пока он не смутился и не спрятал их подальше, – почти физические ощущения, без слов, сосредоточенные на моей коже: ему так хотелось ее гладить, а мне в ответ хотелось...)

...и я снова спрашиваю себя: быть может, у него шок, как у Ангарада? Быть может, он посмотрелся в бою таких ужасов, что теперь даже не видит, как изменился его Шум?... При мысли об этом у меня сжимается сердце.

Еще одна причина, чтобы положить конец войне.

Я покрепче запакиваю куртку, которую мне дала Симона. На улице очень холодно, и я дрожу, но при этом потею, а значит, как я помню из целительских курсов, у меня жар. Задираю рукав и заглядываю под повязку. Кожа вокруг обруча все еще красная и припухлая.

А вверх по руке ползут красные полосы.

Полоски означают инфекцию. Причем серьезную.

Я опускаю рукав и пытаюсь не думать об этом. И еще о том, что я скрыла свою болезнь от Тодда.

Ведь сейчас главное – найти госпожу Койл.

– Так, – говорю я Желудю, – она часто вспоминала океан. Может, на самом деле он не так уж и далеко?

Вдруг у меня в кармане начинает верещать комм.

– Тодд? – не глядя, отвечаю я.

Но это Симона.

– Немедленно возвращайся, – говорит она.

– Зачем? – с тревогой спрашиваю я. – Что случилось?

– Кажется, я нашла твой «Ответ».

Что было до

[Возвращенец]

С олнце скоро взойдет, и я подхожу к костру, чтобы взять немного еды. Земля смотрит, как я беру миску и накладываю себе тушеные овощи. Их голоса открыты – закрыть их и оставаться при этом Землей практически невозможно, – а потому я слышу, что они меня обсуждают. Их мысли расходятся кругами, формируя единое мнение, затем где-то складывается прямо противоположное и катится обратно – все происходит так стремительно, что я с трудом успеваю следить.

А потом Земля принимает решение. Одна из них встает и протягивает мне большую костяную ложку, чтобы мне не пришлось хлебать еду прямо из миски. За ней я слышу голоса других, вернее, *общий* голос, тоже добродушный и готовый помочь.

Я протягиваю руку за ложкой.

Спасибо, говорю я на языке Бремни...

И снова – легкое неприятие моего языка, презрение к чему-то *чужому*, чему-то *отдельному* и столь красноречиво свидетельствующему о моем позоре. Это чувство почти сразу прогоняют и забивают бурлением голосов, но оно совершенно точно было.

Ложку я не беру. Виноватые голоса летят мне вслед, но я, не оборачиваясь, иду к недавно обнаруженной тропинке, ведущей на скалистый холм в стороне от дороги.

Земля разбила лагерь вдоль дороги, где местность более ровная, но горные жители расположились и на холмах: они привыкли устраиваться на крутых склонах. Внизу, у самой воды разместились жители рек: они спят в наспех сколоченных лодках.

Но все же... Земля ведь *едина*, так? Здесь нет чужих и нет своих.

Есть лишь Земля.

А я – тот, кто стоит в стороне.

Дохожу до того места, где склон становится совсем уж крутым, и подтягиваюсь на руках. А вот и уступ, на котором можно сидеть и смотреть на Землю, так же как Земля может сидеть на гребне холма и смотреть на Бездну.

Место, где можно побыть одному.

Но я не должен быть один.

Я мог бы есть и смотреть на занимающуюся зарю вместе с моей любовью, готовясь к новому сражению.

Но моей любви нет.

В первую же ночь, когда Бремя начали выгонять из сараев, подвалов, кладовок и комнат для прислуги, моей любви не стало. Мы бились до последнего, бились, чтобы нас не разлучили.

Но мою любовь срубил тяжелый клинок.

Меня утащили; я издавал глупые покающие звуки, которые Бездна оставила нам для общения, силой накормив «лекарством», – звуки, даже близко не передавшие моей боли от разлуки с любовью. Потом меня швырнули в загон с остальным Бременем, и те держали меня, чтобы я не убежал обратно в сарай.

И не лег от того же клинка.

Я ненавидел Бремя. Ненавидел за то, что они не дали мне умереть, а потом, когда я не умер и от горя, ненавидел за...

За то, как легко *мы* смирились со своей судьбой, как безропотно выполняли все приказы, ели что дают, спали где положат. За все это время мы лишь раз попытались дать Бездне отпор. Мы восстали против Ножа и его приятеля – шумного, глупого и совсем еще ребенка, хотя он был старше. Мы восстали, когда приятель Ножа просто ради забавы закрутил обруч на шее одного из Бремни.

В той страшной тишине мы наконец-то снова поняли друг друга, снова стали целым.

Мы были не одни.

И мы бились.

Многие из нас умерли.

И дальше биться мы не отважились.

Даже когда Бездна пришла с винтовками и штыками. Даже когда они выстроили нас в ряд и начали убивать. Расстреливать, рубить, колоть – и все это с мерзким заикающимся звуком, который у них называется «смехом». Они убивали стариков и молодых, матерей и детей, отцов и сыновей. Если мы сопротивлялись, нас убивали. Если не сопротивлялись, нас убивали. Если пытались бежать, нас убивали. Если не пытались, нас убивали.

Одного за другим, одного за другим.

И мы даже не могли поделиться друг с другом страхом и горем. Не могли сговориться и дать им отпор. Не могли утешить друг друга на пороге смерти.

И поэтому мы умирали в одиночестве. Каждый умирал один.

Все, кроме 1017-го.

Перед тем как начать резню, они осмотрели наши обручи, нашли меня, оттащили к стене и заставили смотреть. Наблюдать, как затихает цоканье Бремни, как траву заливают липкая кровь. В конце концов из всего Бремни на свете остался лишь я один.

Тогда меня хватили чем-то тяжелым по голове и бросили в кучу трупов: то были трупы моих знакомых и близких, эти руки когда-то ласково гладили мои, губы делили со мной пищу, глаза пытались разделить ужас.

Я очнулся среди мертвых, и они давили, душили меня.

А потом пришел Нож.

Он здесь...

Вытаскивает меня из груды трупов...

И мы летим на землю, я откатываюсь в сторону...

Мы смотрим друг на друга, с губ срываются облака пара...

Его голос широко открыт: в нем боль и ужас...

Боль и ужас, которые он чувствует почти всегда...

Боль и ужас, которые грозят свести его с ума...

Но не сводят.

– Ты жив, – говорит он. И он так рад, так *счастлив* видеть меня живым среди этой мертвечины, где я теперь один, один, один навсегда, он так счастлив, что я даю себе клятву убить его...

А потом он спрашивает... спрашивает меня про свою любовь...

Не видел ли я, пока нас убивали, его любовь...

И вот тогда я даю нерушимый обет...

Я клянусь, что убью его...

Слабым, едва ощутимым голосом, который только-только возвращается ко мне, я показываю, что убью его...

Так и будет...

Я сделаю это сейчас, *прямо сейчас*...

Все хорошо, произносит голос...

Я вскакиваю, в ужасе стискивая кулаки.

Небо тотчас ловит их своими большими руками, а я от неожиданности чуть не сваливаюсь с уступа, на котором уснул. Тогда Небо хватает меня за больную руку – ту, что с обручем, – и я вскрикиваю от боли. Его голос окутывает мой теплом и лаской, успокаивая жжение, снимая боль...

До сих пор болит? – мягко спрашивает Небо на языке Бремни.

Я тяжело дышу: от внезапного пробуждения, от боли, от появления здесь Неба.

Болит. Ничего другого я сейчас показать не могу.

Прости, что мы до сих пор не залечили твою рану. Земля удвоит усилия.

Усилия Земли пригодятся для другого, показываю я. *Это яд Бездны, предназначенный для животных. Возможно, лишь они знают лекарство.*

Земля многому научилась у Бездны, показывает Небо. Мы слышим их голос, даже когда они не слышат нас. И мы учимся. В голосе Неба просыпается сильное чувство. *Мы спасем Возвращенца.*

Я не нуждаюсь в помощи.

Ты не хочешь помощи, а это совсем другое дело. Но Земля позаботится и об этом.

Боль в руке стихает, и я тру лицо, пытаюсь проснуться.

Я не хотел спать, показываю я. *Я вообще не хочу спать, пока мы не изгоним отсюда Бездну.*

Лишь тогда в твоих снах настанет мир? – растерянно показывает Небо.

Ты не понимаешь. Не можешь понять.

И снова я чувствую тепло, окутывающее мой голос.

Возвращенец не прав. Небо видит прошлое в голосе Возвращенца и переживает вместе с ним. Так устроен голос Земли. Все чувства – едины, поэтому ничто не забыто и...

Я там был, а это совсем другое! грубо перебиваю я. *Мои чувства не сравнятся с воспоминаниями.*

Небо умолкает, но тепло остается.

Пусть так.

Чего ты хотел? – показываю я, наверно, чересчур громко. От его доброты мне становится стыдно.

Он кладет руку на мое плечо, и мы вместе смотрим на лагерь Земли, раскинувшийся вдоль дороги: справа до самого гребня холма, откуда открывается вид на Бездну, а слева – до горизонта и много дальше, я это знаю.

Земля отдыхает, показывает Небо. *Земля ждет. Ждет Возвращенца.*

Я молчу.

Скоро ты станешь Землей, показывает он, *даже если сейчас чувствуешь себя чужим. Однако Земля ждет не только этого.*

Я удивленно смотрю на него.

Планы изменились? Мы нападаем?

Пока нет, показывает Небо. *Но войну можно вести разными способами.*

И он широко открывает мне голос, показывая то, что видят сейчас остальные...

Остальные, на которых уже упали первые лучи восходящего солнца...

И тогда я тоже вижу...

Я вижу, что грядет.

И внутри загорается теплая искорка.

Буря

[Виола]

– Скажешь, это не самое безопасное место, дитя мое? – говорит госпожа Койл.

После звонка Симоны мы с Желудем быстро вернулись на холм.

Где «Ответ» сейчас разбивает лагерь.

Холодное солнце всходит над поляной, забитой телегами, людьми и первыми кострищами. «Ответ» уже разбил шатер, где госпожа Надари и госпожа Лоусон раскладывают запасы и выдают еду. Синяя «О» по-прежнему красуется у них на груди и на некоторых лицах в толпе. Магнус и еще несколько моих знакомых ставят палатки, и я машу Уилфу, которому поручили заниматься лошадьми и быками. С ним его жена Джейн: она так радостно машет мне в ответ, что, кажется, вот-вот потеряет руку.

– Пусть переселенцы не хотят вмешиваться в войну, – говорит госпожа Койл, поглощая завтрак; она сидит в телеге возле самого люка корабля-разведчика, где и спала, – но если мэр или спэклы решат напасть, твои друзья будут вынуждены защищаться.

– Ну и наглость! – злобно восклицаю я, все еще сидя верхом на Желуде.

– Да, наглости мне не занимать. – Она отправляет в рот ложку каши. – Именно благодаря моей наглости эти люди выживут.

– Пока вам не захочется принести их в жертву.

Ее глаза вспыхивают.

– Ты возомнила, что знаешь меня. Называешь меня злодейкой и тираном! Да, я приняла немало сомнительных решений, но цель у меня всегда была одна, Виола. Избавиться от этого негодяя и вернуть прежний Хейвен. Я не устраиваю резню ради резни. Не жертвую хорошими людьми безо всякой причины. Мы с тобой, как выясняется, хотим одного, дитя. Мира.

– И ради него вы готовы идти по трупам.

– Ради него я готова на многое. Пусть это будут не самые благородные поступки, но зато эффективные. Поступки взрослого человека. – Она бросает взгляд мне за спину. – Доброе утро!

– Доброе, – отвечает ей Симона, сходя по ступеням трапа.

– Как Брэдли? – спрашиваю я.

– Вышел на связь с караваном, консультируется с врачами. – Она разводит руками. – Пока они ничего дельного не посоветовали.

– Лекарства у нас больше нет, – говорит госпожа Койл, – зато есть народные средства, которые помогут снять тревогу.

– Не смейте его трогать, понятно?

– Я целительница, Виола, нравится тебе это или нет. Кстати, тебе медицинская помощь тоже не повредит. Сразу видно, что у тебя жар.

Симона озабоченно смотрит на меня:

– Она права, Виола. Ты неважно выглядишь.

– Да я близко ее к себе не подпущу! Никогда!

Госпожа Койл тяжело вздыхает:

– Даже если я хочу загладить вину, дитя мое? Даже в знак мира между нами?

Я смотрю на нее и вспоминаю, как хорошо она лечила людей, как яростно боролась за жизнь Коринн, как умудрилась одной силой воли превратить горстку целительниц и отбив-

шихся от стада жителей Хейвена в армию, способную раз и навсегда сокрушить мэра, если бы не вмешались спэклы.

Но потом я вспоминаю бомбы.

Особенно последнюю.

– Вы хотели меня убить.

– Я хотела убить *его*. Это совсем другое дело.

– Найдется еще местечко? – раздается мужской голос за нашими спинами.

Мы дружно оборачиваемся. Перед нами стоит человек в изорванной солдатской форме и с головы до ног покрытый пылью. В глазах хитрый блеск.

Я узнаю эти глаза.

– Иван!

– Я очнулся в соборе, а вокруг война, – говорит он.

За ним я замечаю других солдат, плетущихся к палатке с едой. Все они помогали нам с Тоддом схватить мэра и пали жертвами его Шума. Последним лишился чувств Иван.

И почему-то я не очень рада его видеть.

– Тодд говорил, что ты всегда встаешь на сторону сильных, – говорю я.

Его глаза вспыхивают.

– Благодаря этому я и выжил.

– Добро пожаловать, – говорит госпожа Койл, как будто она тут главная.

Я оглядываюсь и вижу на ее лице улыбку: видно, мои слова о сильной стороне ей понравились.

Ведь он пришел к ней, верно?

[Тодд]

– Разумный ход, – говорит мэр. – На ее месте я бы тоже так поступил. Попытался бы переманить новых переселенцев на свою сторону.

Виола сразу, как только смогла, вышла со мной на связь и рассказала про «Ответ». Я попытался скрыть эту новость от мэра, незаметно придавая своему Шуму невесомость.

Но он все равно меня услышал.

– Нет никаких «сторон»! – говорю я. – И быть не может. Мы все должны объединиться в борьбе со спэклами.

Мэр только задумчиво хмыкает:

– Господин президент?

К нам подходит мистер О'Хара с очередным донесением. Мэр жадно прочитывает бумагу.

Потому что все это время ничего не происходило. Он надеялся, что на рассвете начнется новая битва, но холодное солнце встало, а ничего так и не произошло. Сейчас уже почти полдень – и по-прежнему все тихо. Словно вчерашнего сражения вообще не было.

(вот только оно было...)

(и до сих пор происходит – у меня в голове...)

(*Я – круг, круг – это я*, стараюсь думать я как можно легче...)

– Ваше донесение не очень-то проливает свет на происходящее, – говорит мэр мистеру О'Харе.

– Докладывают также о возможных движениях вражеских войск на юге...

Мэр осаживает его, всучивая бумаги обратно.

– А ты знаешь, Тодд, – обращается он ко мне, – что, если враг решится пойти на нас всей своей армией, мы ничего не сможем сделать? Боеприпасы у нас рано или поздно закончатся, солдаты полягут, а спэклов все равно останется столько, что они легко сотрут нас с

лица Нового света. – Он задумчиво щелкает зубами. – Так что же они не идут? – Он поворачивается к мистеру О'Харе: – Велите разведчикам подойти ближе.

– Но, сэр... – удивленно пытается возразить мистер О'Хара.

– Мы должны знать, – перебивает его мэр.

Мистер О'Хара секунду смотрит на него, потом выдавливая: «Так точно, сэр», но любому ясно, что решение мэра ему ни капельки не нравится.

– А может, у спэклов совсем другое на уме, – говорю я. – Может, они не только войны хотят.

Мэр смеется:

– Прости, Тодд, но ты совсем не знаешь своего врага.

– А ты прямо знаешь! Ну-ну...

Он перестает смеяться:

– Я разбил их однажды, разобью снова. Даже если они стали умнее и сильнее. – Он стряхивает пыль со своих генеральских брюк. – Они нападут, попомни мои слова, и когда это случится, я их разобью.

– А потом мы заключим мир, – твердо добавляю я.

– Хорошо, Тодд. Как скажешь.

– Сэр? – На сей раз к нам подходит мистер Тейт.

– Что такое?

Но мистер Тейт на нас даже не смотрит. Он смотрит мимо нас, поверх армии, **РЁВ** которой постепенно меняется от того, что они видят.

Мы с мэром разворачиваемся.

И в первую секунду я не могу поверить своим глазам.

[Виола]

– Все-таки лучше бы госпожа Койл тебя осмотрела, Виола, – говорит госпожа Лоусон, перевязывая мою руку.

– Вы тоже неплохо справляетесь.

Мы вернулись в импровизированную палату, устроенную на борту корабля-разведчика. Утром мне стало нехорошо, и я нашла госпожу Лоусон, которая, завидев мою руку, чуть не свалилась в обморок от тревоги. Едва спросив разрешения у Симоны, она втащила меня на корабль и принялась изучать инструкции ко всем новым инструментам и лекарствам, какие были на борту.

– Сильнее антибиотиков я не нашла, – говорит она, затягивая новую повязку. По руке расходится приятная прохлада от лекарств, но красные полосы уже поползли от обруча в обе стороны. – Теперь остается только ждать.

– Спасибо, – говорю я, но госпожа Лоусон уже вернулась к изучению лекарственных средств на борту. Она всегда была самой доброй из целительниц. Невысокая и пухлая, госпожа Лоусон лечила детей Хейвена и больше остальных стремилась положить конец людским страданиям.

Я оставляю ее одну и схожу по трапу на улицу, где лагерь «Ответа», над которым висит ястребиная тень корабля-разведчика, уже приобрел обжитой вид: палатки и костры стоят ровными рядами, есть зоны для совещаний и хранения запасов. Всего за одно утро «Ответу» удалось разбить лагерь, который выглядит почти точь-в-точь как тот, первый, куда меня привезли из Нью-Прентисстауна на телеге. Многие обитатели лагеря радостно меня приветствуют, другие отворачиваются и молчат, не зная, какую роль я играю в происходящем.

Да я и сама не знаю.

Я попросила госпожу Лоусон меня подлечить, потому что хочу вернуться к Тодду, но меня одолевает такая усталость, что я боюсь уснуть прямо в седле. Мы с Тоддом уже дважды выходили на связь. Его голос казался металлическим и далеким, а Шума было не разобрать из-за **РЁВА** армии.

Но я хотя бы увидела его лицо – и то polegало.

– Все эти люди – твои друзья? – спрашивает Брэдли, спускаясь по трапу за моей спиной.

– О, привет! – восклицаю я и кидаюсь его обнимать. – Как ты?

Очень шумно, говорит он мысленно, а сам выдавливает растерянную улыбку. Надо признать, сегодня его Шум стал спокойней, в нем меньше паники.

– Ты привыкнешь, – говорю я. – Обещаю.

– Не очень-то меня радует такая перспектива.

Он смахивает с моих глаз прядь волос. *Такая взрослая*, думает он. *И жутко бледная*. А потом я вижу в его Шуме прошлогоднюю себя на уроке математики, где я тщетно бьюсь над очередной задачей. Я выгляжу такой маленькой и чистенькой, что невольно прыскаю со смеху.

– Симона выходила на связь с караваном, – говорит он. – Они тоже считают, что мы должны действовать мирно. Надо попытаться вступить в переговоры со спэклами и предложить гуманитарную помощь здешним людям. Меньше всего мы хотим ввязываться в войну, к которой не имеем никакого отношения. – Брэдли стискивает мое плечо. – Ты была совершенно права, что не захотела вмешивать нас в это, Виола.

– Если б еще знать, что делать дальше, – отвечаю я. Мне неловко от его похвалы, ведь я была так близка к совсем другому решению... – Я пыталась вывести госпожу Койл на разговор о том, как они заключили первый мир, но...

Я умолкаю, потому что кто-то бежит к нам по склону холма, озираясь по сторонам и судорожно вглядываясь в лица. Потом он видит меня и прибавляет шаг...

– Кто это? – спрашивает Брэдли, но я уже отстраняюсь...

Потому что это...

– ЛИ! – Я с криком бросаюсь навстречу ему.

Виола, твердит его Шум, *Виола, Виола, Виола*, а сам он хватает меня и закручивает в таких крепких объятиях, что из легких вышибает весь воздух.

– Слава богу!

– Ты цел? – спрашиваю я, когда меня ставят на землю. – Где ты?..

– Река! – выкрикивает он, тяжело дыша. – Что стряслось с рекой?

Он переводит взгляд с Брэдли на меня и обратно. Его Шум становится все громче, голос тоже:

– Вы что, не видели реку?!

[Тодд]

– Но как?!

Я таращусь на водопад...

Он становится все тише, тише...

И исчезает вовсе...

Спэклы остановили реку.

– Очень умно, – бормочет мэр себе под нос. – Очень, очень умно.

– Что это такое?! – чуть не кричу я. – Что они творят? Теперь на водопад смотрят все солдаты без исключения, и **РЁВ** от них идет такой, что вы не поверите. Водопад превращается в тонкую струйку, будто наверху кто-то перекрыл кран. Река под ним тоже сужается, и из-под воды выходят грязные берега.

– От разведчиков по-прежнему никаких известий, капитан О'Хара? – спрашивает мэр ничуть не радостным голосом.

– Нет, сэр, – отвечает мистер О'Хара. – Видимо спэклы построили плотину где-то очень далеко.

– Тогда нам нужно ее найти, не так ли?

– Прямо сейчас, сэр?

Мэр поворачивается к нему, в глазах – огонь. Мистер О'Хара отдает честь и убегает.

– Что происходит? – спрашиваю я.

– Они устраивают осаду, Тодд, – отвечает мэр. – Вместо того чтобы воевать, они отберут у нас воду и дождутся, пока мы ослабнем, а потом растопчут нас. – Голос у него почти злой. – Мы не для этого начинали войну, Тодд. И мы не позволим так с нами обращаться. Капитан Тейт!

– Да, сэр, – откликается мистер Тейт, который все это время стоял рядом.

– Стройте солдат.

– Сэр?.. – удивленно переспрашивает мистер Тейт.

– Вы не слышали приказа, капитан?

– Но идти в гору на врага... Сэр, вы же сами говорили...

– Это было до того, как враг отказался играть по правилам. – Его голос начинает наполнять воздух, змеиться и пролезать в головы ближайшим солдатам...

– Каждый мужчина должен исполнять свой долг, – говорит мэр. – Каждый мужчина должен биться до победного конца. Враг не ожидает от нас столь стремительных ответных действий, и мы выиграем сражение благодаря элементу внезапности. Все ясно?

Мистер Тейт отвечает: «Так точно, сэр» и уносится в лагерь, на бегу выкрикивая приказы. Ближайшие к нам солдаты уже строятся.

– Готовься, Тодд, – говорит мэр, провожая его взглядом. – Сегодня все разрешится.

[Виола]

– Как? – вопрошает Симона. – Как им это удалось?

– Можете отправить зонд вверх по реке? – спрашивает госпожа Койл.

– Тогда они снова его подстрелят, – говорит Брэдли, набирая что-то на пульте дистанционного управления зондом.

Мы собрались вокруг трехмерной проекции, которую Брэдли развернул в тени под крылом корабля. К нам подошли Симона с госпожой Койл, и по мере того, как расходится весть, подтягиваются все новые и новые люди.

– Вот, – говорит Брэдли, и проекция становится вдвое больше.

В толпе охают. Река почти полностью пересохла. От водопада осталась жалкая струйка. Зонд немного поднимается, но мы видим только пересыхающую реку, а по обеим сторонам дороги – массу спэклов в доспехах белого или глиняного цвета.

– Другие источники воды здесь есть? – спрашивает Симона.

– Очень мало, – отвечает госпожа Койл. – Несколько ручьев и прудов, но...

– Дела плохи, – заключает Симона. – Верно?

Ли растерянно поворачивается к ней:

– Думаете, наши дела стали плохи только сейчас?

– Я же вас предупреждала, их нельзя недооценивать, – говорит госпожа Койл Брэдли.

– Нет, вы предлагали взорвать их к чертовой матери, не попытавшись даже заключить мир.

– Хотите сказать, я была не права?

Брэдли снова жмет на дисплей пульта, и зонд поднимается еще выше, показывая нам бесконечную армию спэклов, раскинувшуюся вдоль дороги. За нашими спинами раздаются потрясенные охи: «Ответ» впервые видит, насколько велика вражеская армия.

– Всех убить мы бы все равно не смогли, – говорит Брэдли. – И только подписали бы себе смертный приговор.

– Что делает мэр? – напряженно спрашиваю я.

Брэдли меняет угол съемки, и мы видим, как армия выстраивается в боевые порядки.

– Нет, – шепчет госпожа Койл, – он не может...

– Не может что? – вопрошаю я. – Что не может?

– Атаковать, – говорит она. – Это самоубийство.

Пищит мой комм, и я сразу отвечаю на вызов.

– Тодд?

– Виола!

У меня на ладони – его взволнованное лицо.

– Что происходит? – спрашиваю я. – У тебя все нормально?

– Река, Виола... река...

– Мы все видим. Мы смотрим...

– Водопад! – выдыхает он. – Они в водопаде!

[Тодд]

В тени за исчезающим водопадом возникает полоска огней: они тянутся вдоль прохода, по которому мы с Виолой однажды убегали от Аарона – скользкого каменистого уступа за ревущей стеной воды, ведущего к заброшенной пещерной церкви. На ее стене сиял белый круг с двумя кружками поменьше – наша планета и два ее спутника. Рисунок видно и сейчас: он белеет над полоской огней, протянувшейся поперек отвесной каменной стены.

– Ты это видишь?

– Подожди минутку!

– Бинокль еще у тебя? – спрашивает мэр.

Надо же, я и забыл, что забрал у него бинокль! Бегу к Анггаррад, которая по-прежнему молча стоит рядом с моими вещами.

– Не бойся, – говорю я ей, копаясь в сумке. – Я не дам тебя в обиду.

Я нахожу бинокль и сразу подношу к глазам, даже не вернувшись к мэру. Жму кнопки, приближаю картинку...

– Мы их видим, Тодд, – говорит Виола по комму. – Группа спэклов на уступе, по которому мы бежали от...

– Знаю. Я тоже вижу.

– Что там, Тодд? – подходя ко мне, спрашивает мэр.

– Что у них в руках?

– Что-то вроде луков, – говорю я, – только вместо стрел...

– Тодд! – вскрикивает Виола, и я смотрю на водопад поверх бинокля...

Прямо из-под белого символа на стене вырывается огонек и широкой дугой летит над руслом реки...

– Что это? – спрашивает мэр. – Стрелы такими большими не бывают.

Я снова смотрю в бинокль, пытаюсь найти огонек, который с каждой секундой все ближе и ближе...

Вот он!..

Кажется, он дрожит, мерцает, то загораясь, то вспыхивая снова...

Мы все неотрывно смотрим, как он летит над пересыхающей рекой...

– *Todd?* – кричит Виола.
– Что это? – рявкает мэр.
И я вижу...
Огонек начинает спускаться...
Он летит прямо к армии...
Прямо к нам...
И он не мерцает...
А вертится...
Свет – не просто свет...
Это огонь...
– Отступаем, – говорю я, не убирая бинокля от глаз. – Надо бежать в город.
– *Оно летит прямо к вам, Todd!* – кричит Виола.
Мэр не выдерживает и пытается вырвать бинокль у меня из рук...
– Эй! – воплю я.
И бью его кулаком в лицо...
Он пошатывается – скорее от удивления, чем от боли...
Мы все резко оборачиваемся на крики...
Вертящийся огонь добрался до армии...
Солдаты бросаются врассыпную, скрываясь от пламени... Летящего *к нам*...
Летящего *ко мне*...
Но толпа слишком плотная, люди мешают друг другу...
И огонь мчится прямо сквозь них...
Он летит на уровне голов...
Солдат, которых он задевает, разрывает пополам...
Но он *не останавливается*...
Он *не останавливается*, черт возьми...
Даже ни капли не сбавляет скорости...
Он пробивает толпу, и солдаты вспыхивают, точно спички... Уничтожает все, что
встает на пути...
Окутывая все вокруг белым липким огнем...
И летит дальше...
С прежней скоростью...
Прямо ко мне...
Прямо к нам с мэром...
Бежать некуда...
– Виола! – кричу я...

[Виола]

– Тодд! – ору я в комм, глядя сперва на огненную дугу в воздухе, а потом на толпу солдат, в которую врзается пламя...
И пробивает ее насквозь...
За нашими спинами раздаются крики людей, которые тоже видят происходящее на проекции...
Огонь режет армию легко и непринужденно, словно кто-то чертит в толпе карандашную линию: она рвет солдат на куски, окутывая все вокруг белым пламенем...
– Тодд! – кричу я. – Беги!
Но я больше не вижу его лица, только огонь, испаряющий толпу, а потом...
Пламя снова поднимается в воздух...

– Что за черт?.. – выдавливают Ли.

Оно взлетает над армией и убитыми...

– Что это? – спрашивает Симона госпожу Койл.

– Первый раз вижу, – отвечает та, не сводя глаз с проекции. – Спэклы зря времени не теряли.

– Тодд? – кричу я в комм.

Но ответа нет.

Брэдли рисует на дисплее пульта квадрат, и тут же на проекции появляется прозрачный куб: в отдельном окне рядом с основной проекцией он показывает увеличенное изображение огненного снаряда. Потом картинка замедляется, и мы все видим, что огонь пылает на вертящейся острой штуковине S-образной формы, пылает так яростно и ослепительно, что больно смотреть...

– Она возвращается к водопаду! – кричит Ли, показывая пальцем на проекцию.

Огненная штуковина уже взлетела над армией и с прежней зловещей скоростью мчится назад, завершая круг: она поднимается над склоном с зигзагообразной дорогой и мчится к уступу, все еще вертась и полыхая. Теперь мы видим, что у других спэклов на уступе такие же луки с горящими S-образными клинками наготове. Они спокойно дожидаются, пока огонь подлетит прямо к ним, и тут мы замечаем спэкла с пустым луком, сделавшего первый выстрел...

Он вскидывает свое оружие вверх: на одном конце лука большой железный крючок, с помощью которого стрелок ловким отточенным движением перехватывает бумеранг прямо в воздухе, и тот снова готов лететь в бой, огромный, ростом с самого спэкла.

В свете пламени ясно видно, что кисти, руки и тело стрелка покрыты толстым слоем мягкой глины, защищающей его от огня.

– Тодд? – кричу я в комм. – Ты там? Беги, Тодд, слышишь? Беги!..

Тут спэклы на уступе дружно поднимают луки...

– Тодд!!! Ответь мне!

И в следующий миг все, как один...

Отпускают тетиву...

[Тодд]

– ВИОЛА! – кричу я...

Но комма в моей ладони уже нет, и бинокля тоже...

Их вышибло из рук волной бегущих солдат: они толкаются, кричат...

И горят...

Вертящийся огонь дугой вспорол нашу армию, убивая солдат трак стремительно, что они и понять ничего не успевали...

Но буквально в нескольких метрах от меня, не успев снести мне башку...

Огонь взлетел...

Поднялся обратно в воздух...

И начал возвращаться...

К уступу за водопадом...

Я кручусь на месте, пытаюсь сообразить, куда бежать...

Но потом сквозь крики и вопли людей...

До меня доносится ржание Анггаррад...

И тогда я начинаю проталкиваться назад, к своей лошади...

– Анггаррад! – воплю я. – АНГАРРАД!

Я не вижу ее...

Но слышу, как она кричит от ужаса...
Я расталкиваю бегущих на меня солдат...
И вдруг меня хватает за шкурку чья-то рука...
– *Нет*, Тодд! – кричит мэр...
– Мне надо к ней! – ору я в ответ, вырываясь...
– *Бежим!*
Это слово настолько странно звучит из уст мэра, что я удивленно оборачиваюсь...
Но он смотрит на водопад...
Я тоже поднимаю глаза...
И...
И...
Силы небесные!..
С уступа на нас несется растущая огненная арка...
Спэклы выстрелили из всех луков разом...
Из *десятков* луков...
Скоро от нашей армии останется одна зола и обугленные трупы...
– *Живо!* – вопит мэр, опять хватая меня за шкурку. – *В город!*
Но тут я вижу прогал в стене бегущих людей...
А в нем – вставшую на дыбы Анггаррад...
Она таращит глаза на солдата, который пытается схватить ее за поводья...
Я кидаюсь к ней...
Солдаты тут же заполняют пространство между мной и мэром...
– Я здесь, девочка! – ору я, проталкиваясь вперед...
Но она только истошно ржет...
Я подбегаю и отпихиваю в сторону солдата, который пытался залезть в седло...
Огненная арка все ближе и ближе...
Пламя летит со всех сторон...
Солдаты бегут кто куда: в город, к пересыхающей речке, даже к холму...
Я кричу:
– Бежим, милая!
И тут нас настигают огни...

[Виола]

– Тодд! – снова ору я в комм, видя огни, часть которых летит по дуге над рекой, а часть – над холмами долины...
Они мчатся на армию с обеих сторон...
– Где он?! – визжу я. – Вы его видите?
– В такой сумятице ничего не разглядеть, – отвечает Брэдли. Госпожа Койл ловит мой взгляд, пристально всматриваясь в мое лицо...
– Тодд? – твержу я в комм. – Ответь, прошу тебя!
– Они настигли армию! – вопит Ли.
Мы все переводим взгляд на проекцию...
А там – бумеранги уже косят бегущих в разные стороны солдат...
Они доберутся до Тодда...
Они его убьют...
Они убьют всех до единого...
– Надо это остановить! – кричу я.
– Виола! – предостерегает меня Брэдли.

– Как ты это остановишь? – спрашивает Симона, и я вижу, что она лихорадочно обдумывает варианты.

– Да, Виола, как? – подхватывает госпожа Койл, глядя мне прямо в глаза.

На поле боя горят и умирают солдаты...

– Спэклы убьют твоего друга, – говорит госпожа Койл, словно читая мои мысли. – На сей раз уж точно.

И она видит мое лицо...

Видит, что я раздумываю...

Снова раздумываю о напрасных смертях.

– Нет, – шепчу я, – мы не можем...

Или?..

[Тодд]

ВЖИХ!

Один из вращающихся огней проносится слева от нас, и солдату, который пытался увернуться, отрывает голову...

Я хватаю поводья Анггаррад, но она снова встает на дыбы, тараща белые от ужаса глаза. В ее Шуме – только истощенный крик, невыносимый...

И снова прямо перед нами со свистом проносится еще один огонь, разбрызгивая вокруг себя языки пламени. Анггаррад так напугана, что кидается прямо в толпу солдат, сшибая меня с ног...

– СЮДА! – доносится сзади крик.

Это кричит мэр, и очередной бумеранг превращает в огненную стену солдат за моей спиной....

Мои ноги *сами* разворачиваются в нужную сторону...

Но я заставляю себя вернуться к Анггаррад...

– Давай, милая! – кричу я, пытаюсь сдвинуть ее с места, хоть немного, ну пожалуйста...

– ТОДД! БРОСЬ ЕЕ!

Я оборачиваюсь и вижу мэра, который каким-то чудом снова оказался верхом на Морпете и в последнюю секунду вылетает из-под огненного бумеранга: тот взмывает в небо, чудом не задев его...

– В ГОРОД! – кричит мэр солдатам...

Вкладывая эти слова им в голову...

И в мою тоже...

Низкий гул пульсирует в затылке...

Я швыряю в мэра ответный Шумовой сгусток...

Но солдаты рядом с ним припускают еще быстрее...

Я поднимаю голову и вижу, что вращающиеся огни до сих пор в небе, рассекают воздух точно пикирующие птицы...

Они возвращаются к уступу...

Вокруг горят люди, и все же армия еще жива: солдаты замечают, что огни летят обратно...

А значит, у нас есть несколько секунд до следующей атаки...

Первые, кто кинулся бежать, уже добрались до города, а мэр орет:

– ТОДД! БЕГИ!

Но Анггаррад все кричит и кричит, рвется из рук, брыкается от ужаса...

И мое сердце обливается кровью...

– ДАВАЙ, МИЛАЯ!

– ТОДД! – кричит мэр.
Но я не брошу Анггаррад...
– Я НЕ БРОШУ ЕЕ! – кричу я в ответ...
Черт подери, я ни за что...
Я уже бросил Манчи...
Бросил его умирать...
Второй раз я так не поступлю...
– ТОДД!
Я разворачиваюсь...
А мэр уносится прочь, к городу...
Вместе с остальными солдатами...
И мы с Анггаррад остаемся одни в пустеющем лагере...

[Виола]

– Ракетный удар – не выход, – говорит Брэдли, его Шум рвет и мечет. – Мы ведь уже договорились и приняли это решение.
– Так у вас есть ракеты? – вопрошает Ли. – Что же вы сидите?!
– Мы хотим заключить мир с коренным населением! – кричит Брэдли в ответ. – Если мы нанесем удар, последствия могут быть катастрофическими.
– А это, по-вашему, не катастрофа? – спрашивает его госпожа Койл.
– Катастрофа, но для армии, которую вы сами хотели разбить, которая развязала эту войну!
– Брэдли... – начинает Симона.
Он резко разворачивается к ней, Шум так и сыпет проклятиями.
– Сюда летит пять тысяч человек, их судьба – в наших руках. Ты действительно хочешь, чтобы они проснулись посреди кровопролитной войны, которую нам никогда не выиграть?
– Но вы уже вмешались в эту войну! – восклицает Ли.
– Нет! – еще громче отвечает ему Брэдли. – И поскольку этого пока не случилось, мы еще можем попытаться вытащить из нее и вас!
– Мы их немного припугнем – и все. Пусть поймут, что бояться им надо не только президентских пушек, – говорит госпожа Койл, почему-то обращаясь ко мне, а не к Брэдли или Симоне. – Первый мир со спэклами, дитя мое, удалось заключить лишь благодаря превосходству нашей армии. Так уж устроены войны, именно так заключаются мирные соглашения. Надо показать врагам силу, тогда они охотнее согласятся на мир.
– А через пять лет вернутся сюда еще более многочисленной армией и перебьют всех до единого, – усмехается Брэдли.
– За пять лет мы постараемся наладить мирные отношения и сделаем все, чтобы войны больше не было, – возражает ему госпожа Койл.
– Ну да, вы великолепно справились с этой задачей, как я посмотрю, – не сдается Брэдли.
– Чего вы ждете? Ударьте по ним ракетой! – подает голос Иван, а с ним и еще несколько человек из толпы.
– Тодд, – шепчу я себе под нос и оглядываюсь на проекцию...
Горящие бумеранги летят обратно к водопаду, где их ловят, заряжают в луки...
И тут я вижу его.
– Он один! – кричу я. – Его бросили!
Армия мчится по дороге к городу, мимо Тодда, ныряя в первые попавшиеся заросли...
– Он хочет спасти лошадь! – кричит Ли.

Я снова и снова щелкаю кнопку на комме.

– Черт возьми, Тодд! Отвечай!

– Дитя! – резко одергивает меня госпожа Койл. – Это переломный момент. Тебе и твоим друзьям выпал второй шанс принять правильное решение.

Шум Брэдли злобно шипит, он поворачивается за поддержкой к Симоне, но та обводит взглядом толпу вокруг нас – толпу, требующую ударить по спэклам...

– Я не вижу другого выхода, – говорит она. – Если мы не ударим, эти люди умрут.

– Если ударим, они тоже умрут, – отвечает Брэдли, исходя удивлением и досадой. – И мы вместе с ними, а потом и все остальные переселенцы. Это не наша война!

– Однажды она станет нашей, – говорит Симона. – Мы должны продемонстрировать силу. Так они охотнее пойдут на переговоры.

– Симона! – обрывает ее Брэдли, и в его Шуме снова звучат ругательства. – Караван хочет, чтобы мы колонизировали эту планету мирно...

– Караван не видит того, что видим мы.

– Они опять стреляют! – кричу я.

Еще одна арка вертящихся огней взмывает в воздух с уступа...

И я думаю про себя: чего бы хотел Тодд?

Первым делом, конечно, чтобы я не подвергала себя опасности...

Тодд хотел сделать этот мир безопасным для меня...

И он сделает, я уверена...

Даже если его самого в нем больше не будет.

Но сейчас он по-прежнему там, в гуще битвы...

Один против сокрушительного огня...

И я не могу выбросить из головы факт, который для меня совершенно ясен...

Это горькая правда...

Опасная правда...

Если его убьют...

Если причинят ему боль...

Тогда на корабле-разведчике попросту не хватит оружия на всех спэклов, которым придется за это ответить.

Я смотрю на Симону, и она тотчас прочитывает мои мысли.

– Пойду готовить ракеты, – говорит она.

[Тодд]

– Пожалуйста, милая, пойдем...

Вокруг нас валяются тела – груды тел; некоторые раненые еще кричат...

– Бежим! – ору я.

Но Ангарад брыкается, вертит головой, рвется то в одну сторону, то в другую – от дыма и огня, от трупов, от последних бегущих мимо солдат...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.